

БЫЛО СЛОВО

1

Из Юлуса Бэнта мог бы получиться блестящий актер. С правом выбора роли, театра и фильма. Словом, звезда, для которой с удовольствием работали бы самые известные режиссеры и сценаристы. Импозантная внешность, умение всему и легко подражать – из аристократа с изысканными манерами он на ваших глазах мог превратиться в простолюдина, и вы бы ни за что не заметили, когда, где и в чем произошла тут подмена. Потому что проделывал все это Юлус до того естественно, до того без остатка влезал в новый образ, что могло показаться, будто перед нами не один, а несколько Юлусов, причем совершенно разных.

Таким вот актером был Юлус Бэнт.

И все-таки Юлуса не приглашали на главные роли, не снимали в кино, да и в театре, в котором он работал, возникали такие проблемы, что с ним раза три уже рвали контракт. А все потому, что у Юлуса было слишком коротким дыхание, или, говоря языком непрофессионалов: его не хватало на длинные роли.

Главный герой – он как бы живет на сцене, у него есть время покрасоваться на публике, попробовать эдак и так, взлететь и упасть, ошибиться, поправить. То есть сделать все то, чего напрочь лишен герой эпизодический, которому сразу расставь все акценты, попади в верный тон, не отмерив, отрежь. А как нетрудно догадаться, в силу уже упомянутого «дыхания», только такие роли и доверяли Юлусу. Но Юлуса это не огорчало, потому что он не любил красоваться на публике, и настоящее удовольствие получал лишь тогда, когда то, за что брался, удавалось ему сразу. А ежели нет – и не буду играть! И ему предлагали оставить театр... Но когда удавалось – он помнит спектакли, на которые люди ходили специально из-за него, на один второй акт, чтобы в третьей картине увидеть небольшой выход Юлуса, всего шесть минут, но таких, благодаря которым спектакль полгода держался на сцене.

В общем, талант у Юлуса был, но такой странноватый вот, с вывихом. Не сподобил Господь играть главные роли, обрек на одни эпизоды. И ладно бы только в театре, а то и вся жизнь у Юлуса Бэнта распадалась на кадры-фрагменты, до того меж собою не связанные, что Юлус давно оставил попытку хоть как-то сцепить их все вместе. Он сам даже как-то сказал, что если на старости лет напишет свою биографию, то это будет не книга в обычном ее понимании, а скопище просто страниц. На каждой – один эпизод. Скажем так: Юлус в образе Йорика; Юлус с женщиной; в ванной; и

т.д. И никаких номеров, оглавлений и прочего. Садись и читай: с середины, с конца – сила образа только усилится.

Неверно, конечно, сказать, что Юлус никогда не выпадал из этого своего состояния и не задумывался о вещах, которые невозможно дробить на кусочки: а зачем я живу? Почему я актер? И кому это надо? – и в такие минуты принимался возводить островок, что потом разрастется, расширится... Но ни разу этого своего начинания не довел до конца, видно, дыхания ему впрямь не хватало. Зато начинал очень плохо играть, заваливал роли, спектакли...

Короче, если Юлус Бэнт и был героем эпизодическим, то меньше всего в этом можно было винить режиссера или кинодельцов, что не приглашали его на главные роли. Он был создан для эпизода, и он в эпизоде и жил, являя собою тот редкий пример, когда человек находится на своем месте и занимается тем, что лучше всего умеет.

Донельзя безалаберный, все, к чему прикоснется, превращающий в хаос, Юлус не знал, что такое терпение. И если какая-то вещь не шла ему в руки, он ее в ту ж минуту бросал, хватался за новое, что подвернется, не отличаясь при этом особой разборчивостью. Потому что важен ему был не предмет, а азарт, с каким можно в предмет сей вцепиться. И театр тут был как подарок судьбы. Будь то улица, дом или общество женщин – Юлус нес все с собой и на сцене доигрывал. Доживал, как не смог бы дожить в другом месте. – Ошибаются все, – после удачно сыгранной роли любил порассуждать Юлус, – но больше других, кто боится ошибок. – И поэтому сам Юлус ничего не боялся. Вживался в героев, как бросаются в омут. Как вытворяют такое, во что после не верят. О чем слушают утром – да я ль это был?

Вот и сейчас, – хотя дело происходило отнюдь не на сцене, – Юлус стоял перед зеркалом в ванной комнате и корчил рожи. Раздувал щеки как два пузыря, выпячивал губы, так что обнажались корни зубов – чем не вставная челюсть? – и при этом утробно вышамкивал:

– Это я подарил вам свободу! Построил страну, этот город и все! Не моя бы нетленная мысль – до сих пор бы вы жили в пещерах!

Он воображал себя Президентом. Флетонии. И получалось до того убедительно – даже грима не надо.

А к слову заметим, что никакого физического сходства между Юлусом Бэнтом и Президентом Флетонии не было. Но Юлус, как всегда, брал не сходством. Он умел создавать атмосферу. Интонацией, тембром, набором штрихов: из мимики, жеста – соткать как бы ауру.

И трудно сказать, сколько еще он предавался бы этому занятию, перед зеркалом Юлус всегда чувствовал себя довольно уютно, но именно в эту минуту позвонил Руго Мансат, Главный Редактор телесериала “Шаги в будущее” и бессменный комментатор репортажей о покушениях на жизнь Президента. На экране видеофона возникла его физиономия. Главный Редактор отыскал взглядом Юлуса, и едва ли поняв, чем сейчас Юлус занят, выпалил:

– Тебе надо приехать! Немедленно!

Руго всегда звонил не вовремя. Стоило Юлусу забраться в постель, усесться за стол или устроиться с женщиной – раздавался этот звонок.

И хотя Юлус видел, что Руго испуган, что на студии что-то стряслось – но не мог он так взять, вот, и выйти из образа. Он был еще в самом начале, он минута всего как вошел.

– Это ты мне говоришь? – повернулся Юлус к Мансату, продолжая выпячивать нижнюю челюсть, будто у него был неправильный прикус, и вышло, наверно, еще убедительней, потому что Руго застыл как сомнамбула.

Однако не станем слишком торопиться и вернемся немного назад. У того, что сейчас происходило, была подоплека. Примерно год назад Юлус пришел к Руго Мансату, чтобы выпросить роль Президента. Потому что Руго не просто Главный Редактор «Шагов в будущее», многолетнего сериала об Олке Тийворсе, Президенте Флетонии, но и обладатель абсолютного права снимать Президента. Без визы Руго ни один эпизод не пойдет на экран. Если в сценарии хотя бы упоминается имя Тийворса, рукопись прежде ляжет на стол Руго, и Руго решит, что оставить, что нет. Да и то, что оставить, все сделает сам. Так что кроме Руго адреса на телевидении просто не было.

Притом Юлус, конечно же, знал, что отнюдь не из первых идет с такою просьбой, и что предыдущие соискатели вылетели из кабинета Руго если и не с отпечатком подошвы пониже спины, то, во всяком случае, без желания повторить свой вояж. Руго ненавидел строптивых. Инициативы ни в ком не терпел. Считал лишь себя всему головой. И стоило ему заприметить, что где-то возможна вторая – как тут же ее расшибал. Но Юлус был бы не Юлусом, если бы стал колебаться. И что тут сыграло: напор, с каким выложил он свои карты, или на него нашло вдохновение, и визит превратился в одну из блестящих ролей, какими Юлус обезоруживал зрителей? Но, так или иначе, Руго его не выставил, угостил чашкой кофе, и даже пообещал, что подумает. А пока суд да дело попросил об услуге: дескать, серия серией, а ты, наверно, знаешь, что мне приходится комментировать «Репортажи с места событий», о покушениях на жизнь Олка Тийворса. И в этих вот репортажах иногда не достает какого-то эпизода – оператор зазевался, осветители подвели или ракурс вышел неважный. И тогда нужно что-то доснять. То есть в уже готовый материал вкратить, ну, один-два штриха. И тебе-то с твоим-то талантом... – (откуда Мансат прознал про талант, Юлус не понял; впрочем, и сегодня в этом вопросе не добавилось ясности: в театре Юлус Мансату ни разу не видел) – ...с твоим-то талантом это сущий пустяк. Нисколько не сомневаюсь, ты справишься. А насчет Президента – такие вещи не решают с наскока. Но я обещаю. Тебе представится шанс.

И этого шанса Юлус ждет уже год!.. Состояние для него донельзя неестественное. Хочу – не могу! – не в его это правилах. Если роль бы не шла – это мог он понять, но она как раз шла – а ее не давали! И от этого Юлус натурально дурел. И сейчас вот почувствовал – все, он дошел. Если Руго опять увильнет – Юлус вlepит ему ультиматум: дескать, хватит,

довольно, я соблюдал все условия, и теперь, будь любезен, плати!

Конечно, на роль Президента у Мансата были актеры. Плохие, статисты, долдонили текст. И относился к ним Мансат соответственно: в титрах просто писалось – «Олк Тийворс», – будто Президент исполнял сам себя. Но Юлус ведь тоже не требовал в титры. Готов был на равных. Никого не подсиживать. Две минуты экранного времени! Мелькнет и исчезнет. Совсем. Навсегда. Пусть талдычат потом все и то же...

И сейчас, когда Руго Мансат смотрел на него с экрана видеофона, Юлус ему за все это мстил. Скрывая свой собственный голос, говорил голосом Тийворса. Но и тут же за это платил, потому что ультиматум на голос Президента никак не ложился.

Приеду на студию – там и скажу, – прекратил экзекуцию Юлус.

И здесь, наверное, самое подходящее место еще раз ненадолго прервать повествование и кое-что объяснить. Дело в том, что покушения на Президента Тийворса давно стали своего рода спортом во Флетонии. Происходят они примерно раз в месяц, как правило, в пятницу. Разве в праздники иногда традиция нарушается. Но на то, как говорится, и праздники. А устраивает эти покушения некая таинственная организация под названием: "Борцы за Освобождение Флетонии". От чего эти самые "борцы" собираются освобождать Флетонию и что принести ей взамен – никто толком не знает. Но зато всем известно, что бофы, – так в просторечии называют "борцов", – это злейшие враги народа Флетонии, и что флетонская полиция ни в коем случае не допустит, чтобы с Президентом Флетонии, то есть избранником этого самого народа, хоть что-то случилось. Разворачиваются же покушения у всех на глазах по раз и навсегда отработанному сценарию: кто-нибудь из бофов забирается на городскую стену, высота которой давно перевалила за сто метров, да и сложена она из телеэкранов, пригнанных друг к другу примерно как кафель в ванной, так что остается развести лишь руками – как вообще на нее удастся им влезть? Но им удастся. Для этой цели они разработали специальную технологию и отправляются на стену вооружившись присосками, которые крепят на руках и ногах. Когда руки и ноги у них устают, они прилипают себя к стене прямо грудью, где у них расположен самый большой присосок, и так, повисев, отдыхают. Цель же их восхождений сводится к тому, чтобы взобраться на крышу города, где расположен Президентский Дворец, ну и там привести в исполнение свой гнусный замысел. То есть убить Президента. Но на крыше их поджидает полиция, начинается стрельба и пальба. О чем наутро пишут в газетах, а телевидение, мало что передает покушение в прямом эфире, раз двадцать потом повторяет отснятое, дополняя десятками разных деталей, которые в спешке в эфир не попали. Собственно, на досъемку этих вот эпизодов и пригласил Руго Юлуса, поскольку, как уже говорилось, был не только полновластным хозяином сериала о Президенте, но и бессменным комментатором репортажей о покушениях на его жизнь.

Однако вернемся к нашему герою. Он уже успел доехать до студии. Но, приехав, ничего не сказал. Заготовленный ультиматум так и остался при нем.

На стоянке его поджидали. Вытащили из машины и поволокли в примерную. В коридорах горел яркий свет. Во всех павильонах шли съемки. Статисты тенями скользили вдоль стен. Обслуга, рабочие – все что-то двигали. Катили тележки, толкали прожекторы... Только в темных углах неподвижно, как статуи, стояли субъекты в застегнутых на все пуговицы смокингах и стреляли глазами как лампами-датчиками.

У двери в примерную поджидал Руго Мансат:

– На! – сунул он Юлусу десяток листов. – Через пять минут мы выходим в эфир. Но твои эпизоды в конце. Прочитаешь сценарий!

А сразу за дверью Юлуса бросили в кресло. И пока мяли шею, лицо, десятками шрамов морщили кожу, он проглатывал строки. Отшвыривал очередную страницу, кося взгляд на свое отражение: грязно-желтые волосы, татуировки на шее. Зачерненные зубы превратили улыбку в звериный оскал, – и когда он покончил со сценарием – все хотелось крушить и ломать.

Его отвели в павильон, где уже вовсю командовал Руго:

– Заложников к стенке! Вот здесь все сломать!

На пороге павильона Юлус перешагнул через лежащую в луже крови женщину с перекошенным, покрытым рваными ранами лицом, – но при виде Юлуса женщина вздрогнула...

– По местам! – топнул Руго, и женщина стихла.

Декораторы плескали краску на стены: зеленую, желтую, красным до рези...

– Да хватит! К чертям! – отогнал их Руго. – Мэрла! Хлопушку! – и нырнул в черноту за софитами.

Перед самым лицом Юлуса хлопнула дощечка с косыми полосками. Сразу над головой заработала камера. Ее красный глазок прорвался сквозь сияние юпитеров. И Юлус отыскал ремень бластера, сбросил с плеча, и рванул гашетку. Хоботок микрофона ловил каждый выстрел. Пиротехнические заряды разрывались в стене декорации, на спинах людей, прижимавших руки к затылкам. Из образовавшихся дыр летело тряпье, стекала, сочились бордовая жижа. Статисты, вымуштрованные и послушные Мансату, эффектно падали, сползали по стенам, валили на пол магнитофоны, треноги с софитами. А Юлус все рвал и рвал на себя гашетку.

Потом он распахнул дверь, ведущую в соседнюю декорацию. Там опять были люди – и он снова стрелял. По ногам, в животы и по лицам. На экранах мониторов полыхало «Дорлинское Сияние» – внешняя стена Дорлина по ночам светится, – и человек с присосками на руках и ногах карабкался по этой стене, продираясь сквозь сполохи света, будто это были выбросы раскаленной лавы из разбушевавшихся вулканов. Юлус, забаррикадив дверь, уселся за пульт. Достал из кармана кассету, вогнал ее в щель на панели, потом повернул несколько ручек – и вот уже

человек никуда не карабкается: у него что-то случилось с присосками. Он бьет ими в стену, а они отлипают – и он медленно опрокидывается на спину и падает вниз...

За дверью послышались выстрелы. Это полиция. Лопаются экраны, фонтанами взрываются лампы. Одна пуля срывает клочок волос с головы Юлуса. Его лицо залито кровью. Но он отстреливается. Валится на пол, заползает в какую-то щель. Дверь становится как решето. Прошита выстрелами, рассыпается на куски. В комнату летят дымовые шашки. Юлусу нечем дышать. Глаза слезоточат.

– Бофы не сдаются! – орет Руго Мансат. – Никогда не сдаются!

И Юлус встает в полный рост. Десятки разрывов покрывают его тело. Но он с бластером наперевес шагает вперед:

– Да здравствует свободная Флетония! – пуская кровавые пузыри, кричит Юлус. – Рут Вармаган – с нами! – и вдруг срывает кольцо с детонатора гранаты, что держал прижатой к груди. Яркая вспышка ослепляет глаза, и Юлусу кажется, что тело его разрывается на куски...

Но это уже инерция образа. Потому что Юлус по-прежнему стоит посреди разгромленного павильона, только глазок камеры выключен, хоботок микрофона безвольно повис, яркий свет не терзает глаза, а с пола, отряхивая пыль и поправляя одежды, поднимаются десятки покойников.

– Следующий эпизод в Президентском Дворце! – не успел Юлус привыкнуть к вдруг навалившейся тишине, скомандовал Руго. И толпы статистов, обслуги, помощников, как табун лошадей, рванулись на выход. Наступая на тех, кто еще не поднялся, опрокидывая треноги, штативы, подставки.

– Лента в порядке!

– Можно нести к монтажерам! – вслед Руго орут операторы.

И Юлус представил: – А если бы нет? А если б была не в порядке? Здесь и вправду бы остались покойники.

Нужно было совершить над собою усилие, чтобы никуда не бежать, и Юлус повернулся на каблуках, стал елозить руками, вытер пот рукавом.

– Ты свободен! – на мгновение задержался перед ним Руго.

Все фонари в павильоне погасли, и только одинокий луч прожектора пронизывал пыльную темноту. Словно нож острым жалом прошелся он по полу и наткнулся на Руго... Высветив его бледное с глазами как стеклянные шарики лицо.

– Щепкой задело, – зачем-то показал ладонь Юлус, где в следах грязи и грима обнаружил капельку крови.

Но Руго ничего не ответил. Он уже был не здесь.

Как вдруг прозвучал человеческий смех:

– Искусство требует жертв!

Юлус даже вздрогнул от неожиданности. В метре от него стояла Мэрла, помощница Мансата. Сдобная, круглая... После тощего Руго, перекошенных лиц, разможенных носов – в душе будто что-то оттаяло. И Юлус вдруг представил свой дом, вспомнил кресло, диван, где валяются брюки. Дом одинокого мужчины, где никогда не было, да и не будет

порядка. Где прямо с порога, как листья в лесу, расшвыривать можно газеты.

Он вернется туда, снова встанет у зеркала и опять забрюжит, будто стал Президентом...

Но сейчас, почему-то, Президент не прельстил. Юлусу захотелось другого. Он и сам не знает чего. И он почувствовал, что опять входит в роль. Непонятно какую – но в этом и шарм: погружаться в неведомое.

– Что ты делаешь ночью? – спросил Юлус Мэрлу.

– Да утро уже! – хохотнула толстушка.

– Так утром. Неважно. Ведь мы никуда не опаздываем.

– Отсыпаюсь, – продолжала радоваться она своему голосу.

– И с кем? Не секрет?

– Да одна...

Но тут вдруг очнулся хозяин толстушки:

– Где тебя носит?! – просунул он голову из коридора.

И наваждение как рукою сняло: роль исчезла, дом стал, каким был. Мэрла рванулась за Руго – и Юлус остался один.

Какое-то время он разглядывал дверь, что захлопнулась перед его носом. Прожектор погас, но не сразу, словно пыль еще помнила свет: перекрасила луч в бледно-розовый – и только потом растворила в себе, сошлась чернотой, словно створки моллюска... Но Юлус не хотел оставаться один. Роль не может уйти! Не случилось такого!

– Постой! – ударил он в дверь, а когда та собралась закрыться, ударил опять и шагнул в коридор. – Год сегодня исполнился!

– Кому? – не обернулся Руго.

– Да нашему детищу... Шансу, что гниет уж в утробе.

– Мне некогда.

– Жаль! – остановился Юлус.

А Руго сделал еще один шаг – и будто в нем что-то заклинило. Мэрла даже забежала вперед, закатилась большим сдобным шариком... А Руго стоял, и, уже со спины излучая угрозу, стал медленно поворачиваться. Но повернулся не весь, только лишь головой и плечами.

– Ты обещал! – как завершают монолог, но обращенный не к тому, кто стоит с тобой рядом на сцене, а к залу, галерке, глазкам телекамер, – продекламировал Юлус. – Выходит, что врал? Не годится!

– Кто это врал?

– Да ты, Руго Мансат. Авансы берешь, а товаром не платишь.

– Ты с кем говоришь?!..

– Да с тобой же. С тобой.

Руго налился кровью. Ровно настолько, насколько Мэрла побледнела. Юлусу даже показалось, что она сейчас растворится, исчезнет, как прожектор минуту назад. А Мансата хватит удар.

– Вон!!! – чтобы все-таки выжить, заорал Руго Мансат. – Вон! Чтобы ноги твоей больше в студии не было!

А Юлус стоял и смотрел, все также силясь понять: кто он сейчас и куда погружается? Может, стал Президентом?.. Но тогда бы он Мансату смял.

Сказал бы: умри! – и Мансат бы умер. Но что-то подсказывало, что нет, Юлус, ты не играешь, а передразниваешь. За чем не замедлило последовать подтверждение: Юлус почувствовал, как рот сам собою кривится. Язык вдруг прицокнул – колпак бы еще, а на нем бубенцы, вышло б много смешнее... Но причем тут колпак? И над чем здесь смеяться?

И все-таки к выходу Юлус направился, шаркая ногами и по-обезьяньи притопывая. Приоткрыл тихо дверь, а потом резко ее отпустил – и она оглушительно хлопнула...

В примерной, пока с него смывали грим, он смотрел телевизор. Там снова показывали внешнюю стену города, по которой карабкался человек. Прилеплял один присосок, потом другой, так и двигался, будто клоп по портюре. А за кадром всюду распинался Руго:

– Видите?! Как он лихо работает! И все присоски в полнейшем порядке. Никуда он не думает падать!..

Но тут картинка вдруг смялась, исчезла, и ее место на экране занял сам Руго Мансат. В большом мягком кресле, нога на ноге:

– Думали слезы в нас вызвать! На чувства нас взять! Дескать, бедненький боф! На глазах наших сверзился! – Руго то и дело хватал себя за колено и тыкал пальцем в экран. – А это вот видели?! – обнес он зрителей остреньким кукишем. – Мол, слезами умоемся! Ищи дураков!.. А на самом-то деле все было не так. Со стены и не думал он падать! Просто на телестудию пробрался еще один боф и подсунул в эфир вам подделку!

И тут уже Юлус увидел себя, как громит павильон, как стреляет направо, налево. Потом загоняет кассету в панель, и картинка на экране меняется: боф уже никуда не карабкается, тщетно пытается закрепить присоски, но они отлипают, у него соскальзывает то рука, то нога, он опрокидывается на спину и летит вниз...

Но не успевает он набрать скорость, как картинка снова меняется и действие со стены переносится на крышу города, где за штабелями кирпичей и бетонными плитами сидят полицейские. Ярko поблескивают медные каски, полицейские ждут появления бофа – и боф появляется, еще не сняв с рук присоски, начинает стрелять.

– Вот он где! Вот! – теперь уже за кадром орет Руго.

А бофа тем временем забрасывают гранатами, в дыму и разрывах какое-то время ничего не видно. Но когда дым рассеивается, боф, оказывается, все еще жив. Он ползет меж обломками плит, волоча за собой разможенную ногу. В руках он все также сжимает бластер. – Ба-бах! – и полицейская каска как пустая кастрюля звенит по осколкам камней. Но бой явно неравный, полицейских много, они скопом бросаются на недобитого бофа, и тогда он выхватывает из-за пазухи гранату и взрывает себя вместе с ними.

– Бофы не сдаются! – успевает он крикнуть напоследок. – Рут Вармаган с нами!

– А что ж на стене? – снова, как ни в чем не бывало, сидит в студии Руго.
– Боф все еще падает? – и смеется в кулак.

И действительно, когда на экране снова возникает стена города, там сквозь сполохи света, подобные протуберанцам вулканических выбросов, все так же летит человек. Распластав руки, парит словно птица. Съемка явно замедленная, причем камера наезжает на падающего, отчего он делается все крупней и крупней, пока не занимает собою весь кадр. И тут вдруг становится видно, что это вовсе не человек, а кукла: обычный мешок, набитый соломой. С грубо намалеванным лицом и тряпичными руками, ногами.

– Вот что они нам подсунули! – снова слышится голос Руго за кадром.

А камера тем временем, дав вдоволь налюбоваться на куклу, забирает назад, и опять на экране неразборчивая черная точка, ее ударяет о парапет эстакады, она чуть было не повисает на проводах, но не удерживается и скрывается за соседним мостом.

Нет, Юлус абсолютно спокоен. – «Что он Гекубе? Что ему Гекуба?» – бубнит он под нос, очутившись в машине за воротами студии. Даже поворачивает зеркало над лобовым стеклом так, чтобы видеть свое отражение. Но зубы отчищены, волосам возвращен прежний цвет, кровь и шрамы отмыты...

Что Мансат всегда и все врет – в этом нет ничего нового. Но сегодня соврал он иначе. Принца датского тоже ведь не было. Но кто-то сказал, что он есть – и он появился. То же и покушения – кто-то ждет их по пятницам... Но сегодня – четверг! – Юлус даже машину остановил, однако за спиной засигналили, и он снова нажал на педаль. – Этого покушения не должно было быть. Мансат его не планировал. Оно случилось само. А что сорвалось – лишний раз подтверждает, что Мансат не приложил к нему руку. Но чего тогда Мансат боится? Почему хочет так все представить, будто покушение прошло как всегда? Разнообразие тут – только выигрыш. Или, может быть, жалко несчастного, что свернул себе шею?

Но Мансат – и сентиментальность? – Юлус даже расплылся в улыбке. – Или боязнь, что это падение кого-то разжалобит?

Но нет, нет и нет! – снова стиснул зубы Юлус. – Это страх потерять свою власть. Мансат всегда был уверен, что «Борцы за Освобождение Флетонии» – плод его воображения. Что он их придумал, что они – его собственность. А значит, твори с ними все, что захочешь. Но не учел одного: что ложь изреченная в конечном счете приводит к правде. И тогда с нею надо считаться. Вот и приходится ему снова врать, но теперь чтобы скрыть свою прежнюю ложь, которой расхотелось быть ложью.

Юлус, наверно, и дальше продолжал бы рассуждать в том же духе. Но человек эмоциональный, он значительно уютней чувствовал себя в окружении образов, разрешая, или, во всяком случае, пытаясь разрешить логические головоломки с их помощью. И поэтому то, что произошло дальше, какому-нибудь постороннему наблюдателю, мало знакомому с Юлусом, может показаться странным. Дескать, Юлус просто устал, и ему отказала фантазия. Но на самом деле с фантазией у Юлуса все в порядке. Процесс не прервался. Просто вышел на иной уровень.

Не странно ль, что актер проезжий этот,
– медленно, слово за словом стал проговаривать Юлус, –
В фантазии, для сочиненных чувств
Так подчинил мечте свое сознание,
Что сходит кровь со щек, глаза
Туманят слезы, замирает голос...
...А для чего в итоге?..*

– А действительно, для чего? – спросил сам себя Юлус. Спросил, но не смог ответить. Потому что вопрос этот, на самом деле, принадлежал уже не Юлусу, а той роли, в которую он погрузился. И хотя с виду никаких особенных изменений не произошло, Юлус как сидел, так и остался сидеть в машине. Разве снова соорудил рожу, отчего зубы будто фарфоровые застучали. Но внутри Юлуса: с души напирало – то ли радость, что здорово так получается, то ли вера, что все я сейчас, вот, могу!..

Все это должно было найти выход. И тогда он высунул голову в окно машины и что есть силы закричал:

– Слово! До всего было Слово! Слышите!? Все!? И плевать, что в фантазии! Важно, что было, и важно, что сказал его - я-а!!!

.....
* Шекспир "Гамлет" в переводе Б. Пастернака
.....

Келаф Стор, главный редактор и единственный сотрудник журнала «Сто Первый этаж», сидел за столом и стучал на машинке. Писать рукой, будь то с помощью карандаша или какой-нибудь суперсовременной авторучки, Келаф себя давно отучил. У него были проблемы с почерком. Когда он увлекался, и мысль, что называется, шла, то он начинал писать с такой скоростью и настолько небрежно, не дописывая слова, а то и вовсе подменяя их какими-то невразумительными значками, – что потом ничего не мог разобрать в им самим же написанном. Усаживаясь за машинку и начиная восстанавливать фразы, он вскорости приходил к выводу, что гораздо легче сочинить каждую из них заново. Короче, одну и ту же работу приходилось проделывать дважды. У него есть замечательные рукописи, оставшиеся с тех времен, когда он еще пытался обходиться без машинки, и он точно помнит, что изложил там что-то сакраментальное. Он аккуратно хранит их в ящике, но прочесть, расшифровать там написанное – этим он займется на старости лет, когда уйдет на покой, и когда на новое уже просто иссякнет... Что именно иссякнет: вдохновение ли, фантазия? – Келаф точно не знал, но так или иначе сочинять, создавать нечто такое, чего прежде не было, он больше не сможет.

Что же до компьютера, на котором сегодня строчат девять десятых авторов, – то здесь отвращало другое: возможность, не сказать

провокация, без конца все и вся переделывать. Переставлять с места на место слова, двигать абзацы, вписывать между строчками новые фразы. Пока вся эта видимая легкость не оборачивалась обратной своей стороной: мысль уходила, горение гасло...

По всему поэтому Келаф и отдал предпочтение старомодной машинке. Белый лист, заправленный в ее каретку, вызывает к ответственности. Что сказал – то сказал. Как ударил по клавише – то впечатал, так будет. А что до старомодности – Келаф Стор вообще человек старомодный. Чего ничуть не стыдится.

В комнате, где он работал, горел яркий свет. За спиною сияло окно. А в метре от стола лопотал телевизор. Подвешенный на струбцине, напоминающей ногу фантастического животного (у струбцины было четыре колена), – она давала возможность таскать телевизор за собой, доставала в любой угол комнаты; даже из туалета, достаточно было оставить дверь не закрытой, Келаф мог продолжать следить за происходящем на экране.

Но сейчас он на экран не смотрел. То, что там показывали, его раздражало. Хотя там и шел репортаж, обещанный еще вечером. Из-за этого репортажа Келаф потерял прорву времени. Прождал до утра. Чтобы увидеть все это!?. Нет, ему не хватало слов. Чего-чего, а такого он от Мансата не ожидал. Над лентой поработали ножницами. Но как? Лучше бы вовсе не трогали. Кадры не стыковались. Не хватало кусков. А те, что повшили – отсечь просто руки! То менялся фон, то цвет штанов на убийце. Тени прыгали как на батуте: то вправо, то влево, то вообще исчезали. Этим идиотам не пришло даже в голову подпустить хоть бы дыму немного или размазать картинку...

Или что-то там вправду стряслось?! Такое, что у всех у них сдвинулись мозги?..

Келаф поскреб себя за ухом. То есть он не дурак и отлично все понял. Боф упал со стены. Натурально: взял, сверзился... Но о Руго Келаф все-таки был лучшего мнения. Растеряться, начать пороть чушь?.. И поэтому верил, что это пройдет, что во время прямого репортажа, действительно, трудно все сразу исправить. Но после-то Руго возьмет себя в руки, и когда эту белиберду запустят под утро, приведет все в порядок, подправит, подчистит. И, конечно, предложит концепцию. Не что абы как – а зачем, почему. Не все, дескать, блеф, есть тут проблески правды. Скажем, бофы меняют политику. Что-то там изнутри разъедает их организацию. Меж собой сводят счета. Кто-то рвется там к власти. В общем, что-то такое, чтобы было за что ухватиться. Написать. Рассказать. Хоть бы что-нибудь вытянуть.

А здесь! – Келаф даже отставил машинку. – Ничего! Пустота! Абсолютнейший вакуум! На жалость, мол, бьют. Тоже перл фантазии!

Словом, телевизор в самый раз было выключить. И окажись коробка дистанционного управления у Келафа под рукой, он, наверное, так бы и сделал. Но она, как назло, задевалась куда-то. Келаф пошарил по крышке стола: свалилась, как видно, в корзину с бумагами?.. Короче, ничего, кроме

как сносить голос Мансата, Келафу не оставалось.

Но с той самой минуты, как Келаф утерял интерес к телевизору, ему стало докучать вдруг другое – окно в его комнате не работало. В том смысле, что ничего не показывало. По нему, будто волны, пробегали зеленые полосы, то слева направо, то справа налево... А ведь это окно было гордостью его кабинета.

Келаф Стор был человек скромный. Ни в чем не позволял себе роскоши. Жил в квартире всего из трех комнат. И не на каком-нибудь из двадцатых городских этажей, а всего на Двенадцатом. Были, правда, времена, когда он снимал помещение для своей редакции, где сидели сотрудники, и где дело горело и спорилось... Но времена те прошли. И когда он снова перебрался в свою квартиру, – а сюда нет-нет заходят к нему посетители, – он решил обзавестись окном. И на этом не экономить. Не обычный телеэкран, где два раза в сутки меняют картинку, а поставить большой, широкоформатный, где картинку можно выбирать на свое усмотрение. Хочешь – горы и лес, иль прибрежные скалы. Откуда будет задувать ветерок, доноситься запах хвои, прибоя иль луга. Где капли во время дождя станут барабанить в стекло, а на пол лететь пожелтевшие листья...

И все так и было до недавнего времени. И Келаф очень любил, отвалившись от рабочего стола, сидеть и смотреть в это окно. Наугад нажимая кнопки, самому чтоб не знать, что сейчас там появится...

Но примерно неделю назад окно испортилось. Надо было сразу позвать мастера. Но тут, как назло, подкатил этот номер. Келаф с головой погрузился в работу. И днем об окне забывалось, вспоминалось лишь ночью... И тогда Келаф попробовал сам. Взял отвертку и что-то там подкрутил, какой-то винтик в какой-то штуковине, которая, как будто, отошла со своего места... – и сделал еще только хуже. Теперь окно, мало что продолжало гонять туда-сюда зеленые полосы, так еще наотрез отказалось выключаться. И что только Келаф не перепробовал? Вплоть до того, что одеялом его завешивал. Да знай он, откуда это чертово окно черпает энергию – проделал бы дырку в стене и перерезал бы провод! Но в том-то и дело, что не знал он, где провод... Да может и не провод вовсе? А понапрасну уродовать стены? Получится как с той самой штуковиной, которую лучше было бы не трогать.

Но настроение? Настроение напрочь оказалось испорченным.

– Это какой-то заговор! – вымещая обиду, лупил он по клавишам. – Так совсем невозможно работать!

Если к утру материал не попадет в типографию, он лишится последних подписчиков!

Предыдущий тираж был провал, не покрыл даже трети расходов, и если этот постигнет такая же участь – то все, он упал, он банкрот!

Неделю назад Келаф унился до того, что позвонил Руго Мансату: как, мол, жизнь, мол, давненько не виделись...

Но Руго ответил сухо:

– Если ты не по делу, то лучше потом.

– Журнал со дня на день выходит, – боясь, что Руго выключит связь,

забормотал быстро Келаф. – Остался один разворот. Не подбросишь чего-нибудь злачного?

– Да что же я могу подбросить?

– А мне хоть чего. Хоть дворцовые сплетни. Или, вот, покушений давно что-то не было?

Впрочем, последнее было неправдой. Предыдущее покушение показывали две недели назад. И Келаф о нем мог вполне написать. Но журнал был еще не готов. А теперь вот готов, но писать о вещах такой давности?

– Иль задумал что-то особенное? – видя, что Руго не спешит отвечать, по-другому подъехал Келаф.

– Да нет, как всегда...

– Я могу подождать. Чтобы выйти по свежему следу...

На самом деле, Келаф знал, куда гнул. Через неделю в Дорлине начнется Музыкальный Конкурс и на несколько дней вся страна прирастет к телевизорам, и Руго просто не мог допустить, чтобы накануне такого события не выйти со своим репортажем. Пусть музыка и по другому ведомству, только нет, все равно конкурент. За рекламу, втиснутую в «Репортажи с места событий», рекламодатели платят сумасшедшие деньги, и так, за здорово живешь, растерять своих лучших клиентов? Нет, не тот это случай. Что-что, а деньги Руго считать умеет.

– На этой неделе. Как всегда, в девять вечера, – поразмыслив, выпалил Руго и прежде, чем Келаф рассыпался в благодарностях, выключил связь.

Конечно, он мог сказать и поточней, назвать день, а не только лишь время. Но Келаф был благодарен ему и за это. Что, в конце концов, не обманул. В последнее время и такое случалось. А что касается дня – Конкурс начнется в субботу, значит, жди покушения накануне, в четверг или пятницу. И то, что оно случилось в четверг, Келафа поначалу обрадовало, он выиграл день, журнал выйдет на этой неделе... Только толку теперь в этом выходе?

Келаф опять посмотрел на телеэкран: там гремели выстрелы, взрывались гранаты.

Что он может написать про это покушение? Прежде голову сломишь, чем что-то поймешь.

А ведь были времена, когда не он Руго, а Руго его просил об одолжении: напиши, вставь что-нибудь смачное. А то ведь проспят, не заметят.

Они учились на одном курсе. Оба собирались посвятить себя журналистике. Но Мансат пошел в телевидение, а Келаф остался на службе у слова. – Это даже хорошо, – рассуждал тогда Руго. – У кого-нибудь может не выйти – другой тогда, значит, спасай...

Но у Келафа вышло! То, что происходит сейчас – просто временный спад. Пережить, продержаться чуть-чуть – и опять все вернется на круги своя.

Поначалу они и вправду помогали друг другу. Руго не стеснялся ставить Келафа в титры и все время подкидывал разные разности:

зарисовку, сюжет для рекламной заставки. И в то же время не было такой передачи, подготовленной Мансатом, чтобы Келаф не откликнулся на нее в своем журнале. Они вместе сочиняли первые серии «Шагов в будущее». А потом Келаф через свой журнал организовал кампанию под названием «письма зрителей» (треть из которых сочинял либо сам, либо его сотрудники). Эти письма приходили на телевидение пачками, с мольбами и просьбами – продолжать начатую серию. Кампания прогремела на всю страну и незаметно переросла в полемику, перекинувшуюся в другие газеты-журналы – о личности Президента и о сущности Дорлина, так сказать, о первичности выбора: Олк Тийворс построил Дорлин – или Дорлин призвал Олка Тийворса? Нет, тогда Келаф был нужен Руго, и журнал что ни день набирал только силу, из тоненького еженедельника, пробавляющегося перепечатками из других изданий, превратился в солидный буклет, на шикарной бумаге, с цветными картинками. К Келафу валом валили рекламодатели. Авторы наперебой предлагали рукописи. Почти что задаром, за один только факт: увидеть себя, свое имя, на страницах «Сто Первого этажа», в окружении других, всем известных имен! Да что говорить, Келаф печатал самого Альминга Соута, человека-легенду, который мог позволить себе ругать всё на свете, – и все, даже сам Президент, перед ним лишь заискивали, потому что это был писатель с мировым именем!

Келаф знает, где допустил ошибку. Поддержка поддержкой, но надо было вовремя остановиться и начать работать на себя. Он должен был создать своего читателя. А он слишком верил в тандем между ним и Мансатом. Что этот тандем продержится вечно. И в то самое время, пока Руго уничтожал своих конкурентов, выживал с телевидения, стирал в порошок, Келаф их умножал. Сначала немногие, а потом почти все журналы стали писать о «Шагах в будущее». А когда Руго в прямом эфире впервые показал покушение на жизнь Олка Тийворса, о Руго заговорила и вовсе вся пресса, вплоть до самых желтейших листков. Какое-то время по наивности Келаф считал, что все это происходит стихийно, и, уповая на свою дружбу с Руго, полагал, что самый смачный кусок все равно перепадет ему. Пока однажды ни узнал, что Руго рассылает материалы и в другие издания, и что если «Сияющий Дорлин», «Вечернее слово» или кто-то другой предложат побольше, ни минуты не раздумывая, шлет первым им.

Когда это случилось первый раз, Келаф обиделся: мол, как же, а дружба? Ведь мы были вместе? Но на лице Руго не дрогнула ни одна мышца, потому что это был уже не тот Руго, рассуждающий: кто, кому и как быстро поможет. – Я стал частью дела, которое делаю, – сказал Руго Келафу, – и интересы этого дела превыше всего. Если я отделю себя от образа, который создаю на экране, мне в ту же минуту настанет конец.

А образ и впрямь был такой: все предать, все продать – лишь бы выбиться в лидеры. Потому что когда ты силен – тебе все прощается.

И такого Руго флетонцы любили, такому ему поклонялись. И кто его знает, будь Руго другим, добился бы точно того же?

Так или иначе, это был последний откровенный разговор между Руго и Келафом. Никогда больше Мансат к этой теме не возвращался. Даже когда общался с Келафом не посредством экрана (что в последнее время случалось все реже и реже), а у себя в кабинете, в машине, в кафе: Руго только играл того Руго Мансата, что ведет репортажи с места событий и делает фильмы о Президенте.

И тогда пришло время задаться другим вопросом: а если однажды окажется, что я Руго мешаю? – остановится он или нет?.. – Однако ответ был прозрачнее некуда: сотрет, как стирал уже многих. Из чего Келаф вывел, что лучше им все же не ссориться. Пусть немного корысти сегодня в их дружбе, но лучше пусть так, чем вражда.

А журнал тем временем начал хиреть. Не по дням, а часам. И логика подсказывала, что его лучше бросить. Не потому, что Келаф никудышный редактор. Но редактировать надо не воздух. Когда к тебе сами несут прорву рукописей – это одно, а когда не несут ничего?.. Если бы у Келафа были свои читатели, которые читали бы журнал не из-за Руго, про которого теперь писали практически все, а из-за взгляда, позиции, авторов, самобытности стиля, подбора проблем, то и после предательства Мансата Келаф мог бы издавать свой журнал. Изменив, может, чуть-чуть тематику, подновив, переставив акценты. Но ничего подобного не было и в помине, журнал держался только на Руго, на тех материалах, что он поставлял. Все остальное было довеском, неглавным. Авторы менялись, темы приходили и уходили. И пока Келаф опережал других, пока Руго действительно подбрасывал ему самые жирные куски, Келаф мог вести журнал так, как вел, не очень заботясь о следующем номере. Придут новые рукописи, новые имена – от пишущей братии не будет отбоя. А тут, когда стол опустел?..

И все-таки бросить журнал Келаф почему-то не мог. Может быть потому, что так же как Мансату его репортажи, журнал для Келафа тоже стал делом? Или, может, из страха: а кто я такой? Что, кроме журнала, умею я делать?.. Но, скорее всего, здесь крылось что-то иррациональное: чем хуже распродавался тираж, тем отчаянней верилось, что в следующий раз все будет иначе. И что дело вообще тут совсем не в журнале, а в чем-то, витающем в воздухе, в какой-то напасти, какой-то болезни – но что-то должно вдруг случиться, и за стойкость – а Келаф был стоек – воздастся однажды сторицей. Келаф найдет золотоносную жилу; позвонит вдруг автор, вдруг свалится рукопись!.. Нет, здесь ему воображение отказывало, но даже в отказе светилась надежда, потому что если бы он мог себе это представить, то какого же черта сидит и надеется?! Да взял бы и сделал – а он сидит, ждет.

Но сейчас не до жиру, – перебил себя Келаф. – Слишком много поставил он на этот номер. Специально неделю держал разворот. Думал, вывалюсь первым: сенсация, новость! Тут и там лишь заметки, а я вот – обзор! Подобрал материал об истории бофов, как все это возникло, откуда пошло. Дескать, следствие нашего виденья мира. Даже вставил эссе об актере и театре: если есть уже зал, если полон он зрителей – то на сцене

всегда обнаружится некто, кто сыграет нам то, что хотим мы увидеть...

Или вовсе без разворота? – отвалился от машинки Келаф. – Покушение сорвалось, и Мансат выкручивается. И я бы ему мог в этом помочь. Лишь только скажи. Набери только номер.

Келаф попробовал сам связаться с телецентром, но автоответчик послал его к черту, записал, кто звонил, дескать, мы вам ответим.

Но знает Келаф эти «ответим». Неделю прождешь. Да и «ответит» не Мансат, а какой-нибудь идиот, с которым и говорить-то не о чем.

Нет! – снова обрушился на машинку Келаф. – Без Мансата надо. Я должен все сам!

Конечно, если бы Руго был человек, если бы умел ценить бескорыстную дружбу... Ведь и в учебе Келаф ему всегда помогал, все контрольные давал ему списывать. За все университетские годы Мансат ни разу не блеснул ни одной способностью. Приключится вдруг спор, аж до драки доходит, – а Руго молчит, как воды в рот набрал. Но зато вот потом, как сойдутся на чем-то – в ту ж минуту он тут: мол, всегда я так думал.

Это умение подхватывать чужие мысли, первым их выговаривать и выдавать за свои – и вывело его в люди. Это Келаф вечно ломал голову: как придумать бы что-то свое. А Мансат не так: вы додумать еще не успели, а я вам уже их на стол и в обертке!

Единственное, в чем Руго преуспел в университетские годы, так это по женской части. Дважды его собирались за это выгнать из университета. А где-то на четвертом или на пятом курсе он отбил у Келафа девушку. Келаф за ней с полгода ухаживал, то в кино пригласит, то в кафе на коктейль, все не знал, как надежнее к ней подступиться. А Руго на вторую ночь с ней переспал и потом резюме свое вывел: ничего, дескать, парень, в ней нет. Мол, видал я партнерш и получше.

Будь Келаф мужчиной, он набил бы тогда Руго морду. Но Келаф простил... То есть, на самом деле, ничего он не простил, просто куда-то на дно души это спрятал... А сейчас вдруг припомнил. Аж испарина выступила. Келаф даже сигарету достал. И вообще захотелось все к черту послать. Отвалиться на спинку стула и просто сидеть, вспоминать. Или думать о чем-то. Но главное, никуда не спешить. Выпасть из этой бесконечной гонки с препятствиями. Но вместо этого еще быстрее застучал по клавишам.

Ну, отпишется, свалит он номер, – с трудом поспевая за пальцами, также быстро теперь думал Келаф, – будто что-то и вправду изменится? Ведь со следующим будет все то же самое. Ну, удача, вернет он частично долги – чтобы завтра наделать новые. Все годы, что издает он журнал, ощущал он это противоречие – между тем, что хотел, и что был он обязан: увеличить тираж; кровь из носа добратся до новых читателей; заручиться рекламой, поддержкою Мансата... Нет бы взять и расквитаться за все. Но какой там, строчил дифирамбы. Экономя на всем, управлялся один. Все всегда впопыхах, все тяп-ляп, как получится. А в итоге все то ж: лишь долговая яма. Уступал, отступал, позабыв, что хотел. А если и приходило в голову иногда что стоящее, то сразу же гнал, мол, потом, не сейчас.

Записывал на чем подвернется и в ящик, долой, как в корзину для мусора...

«...и если принять, что мы, Верхний Дорлин, что мы, Верхний Дорлин...»

– Тьфу ты, зараза! – забил повтор Келаф.

«...существуем лишь потому, что этого захотел Олк Тийворс, то уместен вопрос: кто первичен тут – мы или он?..»

Нет, мысли его носило черт знает где, и он никак не мог сосредоточиться. Получалась вода, в общем, в ступе. Хотя и с водою Келаф умел управляться. Но сейчас не годится, не тот нынче случай!..

Он оставил машинку и выдвинул ящик стола, самый нижний, у самого пола, где лежали все эти отбросы – десятки пожелтевших страниц с завернувшимися, словно обожженными солнцем, краями, с рядами нечетких каракуль, помарок, следами от кофе... Келаф хотел дотронуться до этого кладбища, как вдруг из глубины вынырнул черный паук. Растопырил несчетные ноги: не смей, дескать, братец, мое! – и Келаф отдернул руку. Наверно, минуту они смотрели один на другого: Келаф, который мог паука прихлопнуть – и этот сморчок, этот гадкий плевок... Но чем больше проходило времени, тем ясней становилось, что Келаф снова уступит. Потому что привык уступать. Потому что противно. Была нужда связываться?.. Ведь этому гаду – чего тут терять? Он знает свое: – клац! – укусит за палец. На большее он не способен. А Келаф – ну что, да напишет еще. У него, вот, журнал. Его ждут в типографии...

А если бы не было журнала! ? – подумал Келаф.

Но тут же затряс головой:

– Нет, – и ногой толкнул ящик на место.

И снова обрушился на машинку...

Но напасти на этом не кончились. Перед глазами еще стоял омерзительный гад, обосновавшийся на его, Келафа Стора, рукописях, как вдруг к мычащему телевизору и моргающему словно в тике окну добавился еще один экран - видеофона. На нем проступило изображение – и Келаф остолбенел. То, что сложилось там из куска пустоты, из обрывков серого вещества, что и стало-то веществом лишь когда с другого конца провода прибежало сюда... – словом, это был какой-то фантом, горячечный бред, след того паука...

На экране возник Президент.

– Извините, – сказал этот бред. – Я помешал вам работать?

И хотя это была сушая правда – не мог же Келаф сказать ему да?.. То есть он вообще ничего не мог сказать, жить продолжали одни только пальцы. Что уж они выбивали на клавишах? Но стучать перестали тогда, когда каретка вдруг сорвалась и поехала в сторону.

– Вы готовите номер? – как ни в чем не бывало, спросил Президент.

И на этот раз Келаф кивнул. Голова соскочила как будто с пружины, соскользнула на грудь и не смогла вернуться обратно.

– Я слежу за вашим журналом. Жаль выходит он редко.

– Я – один, – вслед за головой поехала вниз и челюсть.

– У вас нет помощников?

– Машинистка... Одна машинистка. Но она не работает ночью.

– М-да, – посерьезнел Тийворс.

Конечно же, Тийворс! Горячечный бред придумал бы что-то другое.

– Вы взялись за гиблое дело. Журнал обречен без солидных субсидий. К тому же, когда он серьезен – в него не приносят рекламу. Вы, наверное, идеалист? Или я ошибаюсь?

– Нет... То есть да... В том смысле, что конечно идеалист. Иначе я просто бы не выдержал.

– «Сто Первый этаж» – гипербола или мечта?

– Я – патриот! – вдруг выпалил Келаф.

На самом деле происходящее было настолько нереально, настолько не могло происходить, что Келафу отказали привычные чувства. Он даже не знал, испугался он или нет? Это походило на сон. Будь руки его попослушней, он щипнул бы себя за живот. Но тело объял паралич. Подчинялись одни лишь слова, и это вот – «Я – патриот!» – прозвучало как тот же щипок. Келаф даже подумал: – «Сейчас!» – и все-таки нет, не проснулся.

А фантом точно так же смотрел. Оглушительно явный, пронзительный.

– Я – патриот! – как заклинание повторил Келаф. Дескать, ну, отворотись, сгинь нечистая сила!

Но сила не сгнула, продолжала смотреть. Келаф даже подумал вновь выдвинуть ящик, но вместо этого встал в полный рост (незаметно вернулись былые способности), убрал руки с клавиш и сунул в карманы.

– Вы придумали все! – сказал Тийворсу Келаф.

– Что значит «все»?

– Этот город, меня.

– Нет, – покачал головой Президент. – Вы преувеличиваете мои возможности. Я делал все так, как хотели флетонцы.

– Выходит, вы просто посредственность, – смелел больше Келаф. – Если бы вы были личностью, то не стали бы во всем уступать.

– А кто вам сказал, что я уступил? – Президент покусал губу, толстую, влажную, с мелкими трещинами. Все-таки Келаф его ввел в замешательство. – Я не раз проявлял свою волю...

– В чем? – хохотнул даже Келаф. – Назовите одну хоть бы вещь! Вы лжец! Вы всегда только лжете. И вокруг приучили всех лгать, прикрывая вранье вашим именем. Ложь давно стала способом выжить!

– Вы имеете в виду это? – не уступил ему Тийворс и заглянул в телевизор. Там как раз закончился репортаж о покушении и всю хорохорился Мансат. Распинался о величии Президента, отбивался как будто в засаде: «Не дадим!», «Не позволим!»... – и был страшно доволен собой, что удачно вот так выбирается.

– Не только! – решил стоять на своем Келаф. Если все это бред, если мне это грезится!.. – Кому бы другому, но вам-то известно, что в Нижнем Дорлине живут такие же люди, как мы. Что «Борцов за Флетонию» нет. Как и нет покушений. Вообще ничего, о чем денно и ночью долдонят газеты!

– Я не хотел вам звонить, – долго после вырвавшегося из уст Келафа упрека молчал Тийворс. – Я знал, что могу от вас выслушать это.

– Но все-таки позвонили?

– А чтобы спросить. Вы – создатель журнала, – на слове «создатель» он сделал ударение, но Келаф не понял, к чему он ведет. – Вы его сотворили из воздуха. Для тех же флетонцев. Кого же еще?.. И вот мой вопрос: зачем вы это сделали? Или, может, не так? Вдруг журнал создал вас?

Первым ощущением было, что Келафа окатили холодной водой. Если все это бред, то и вправду горячечный. От подобных вопросов Келаф всегда отгораживался. Он знал, что на них невозможно ответить... Он все еще кипел негодованием, но в груди не хватало дыхания.

– Да кто же тут я?! – все-таки выдавил Келаф. – В махине государства, что вы возвели, я всего только крохотный винтик. Да рискни я хоть что-нибудь здесь изменить – ведь меня сразу нет!..

– Но когда создавали, была, значит, смелость. Вот, ведь в вашем столе, – и Тийворс указал пальцем на тот самый ящик, с которого все началось, – наверное, есть что-то чуточку лишнее? Что в журнал не пошло? Чему быть еще рано?

– Конечно, есть, – потупился Келаф. – Но это – слова. Всего только – слова.

– А сначала всегда бывает Слово!

Келаф не сразу вернул взгляд на экран. Сперва посмотрел на крышку стола, на машинку со свернутой шеей-кареткой, на полосы в проеме окна и рожу довольного Мансата... Но когда все-таки добрался до видеофона, словно впервые увидел лицо Президента: большой круглый лоб под тяжелою лысиной, бороздки морщин, будто ссадины, особенно густые у основания щек и вокруг тонких губ, сейчас плотно закрытых, и совсем невероятные глаза, преогромные, серые, грустные, которым не хватает места за толстыми линзами очков.

– Вы первым заговорили о посредственности, – нарушил тишину Президент. – Похоже, вы имели в виду меня. И готов допустить, что вы правы. Но, в моем представлении, посредственность – это вовсе не тот, кто умеет подчинять себя обстоятельствам, как и не тот, кто при необходимости готов диктовать свою волю. Два этих качества требуют искры таланта. А посредственность – нет, ее искрою Бог обошел. Оттого там все тихо и ясно. Говоря еще проще: посредственность – это тот, кто сам себе в этом никогда не признается. Но я не согласен, что большинство из нас – серая масса. Мы просто глухи, мы сгубили свой дар. Все, чем нас наделила природа. Предпочтя быть не личностью. Просто не быть.

– Но у вас в руках власть. Вы обязаны править.

– А вы выпускать ваш журнал.

– Но какой смысл во власти, если не навязывать никому своей воли?

– Точно тот, что в журнале, если он этой власти глядит вечно в рот. Неужели вы и вправду считаете, что я могу указом отменить, скажем, ложь? Переделать флетонцев? Запретить Музыкальный Конкурс? Или во всеуслышание объявить, что Нижний Дорлин, «Борцы за Флетонию» – все это выдумки Мансата? Когда тот же флетонец лишь этим живет. Извините, но это абсурд.

– Выходит, по-вашему, ничего тут нельзя изменить?

– Можно. И я это делаю. Но очень осторожно и медленно. Город построен, он такой какой есть, и все сразу сломать – сделать всем только хуже. Поэтому для начала я пытаюсь не мешать, когда кто-то поступает по совести. Говорит то, что думает. Даже если мне это не очень приятно.

– Но какой в этом смысл, в словах?

– Разбудить в душе искру таланта. Да взять ваш журнал. Ведь вы им одним лишь живете. И знаю, зачем его создали: сказать людям правду, такую как есть. И неужели вы думаете, что я не догадываюсь, какой это труд: угождать сразу многим, и при этом оставаться собой, начинать и не договаривать, выстраивать фразы и оставлять между словами пустоты, обходиться намеками, носить камень за пазухой? Не я вам судья, насколько ваша правда нужна флетонцам. Но именно потому, что она правда, она лучше лжи. И когда вы осмелитесь сказать ее всю, – если только достанет вам силы, – не указ Президента, не отряды полиции, и тем более не убийцы из Нижнего Дорлина, а вы, ваш журнал, заткнут Мансату рот.

– Но почему именно Мансату?

– А потому что Мансат первейший ваш враг!

– Положим, – не сразу согласился Келаф. – Но я не занимаюсь политикой...

– При чем здесь политика? – не дослушал его Президент. – Достаньте ваши старые рукописи. Забудьте, что кто-то их станет судить. Скажите все так, как вы видите, чувствуете. И не занимайтесь разоблачением. Не унижайтесь до этого. Пусть ваш журнал выглядит так, будто никакого Мансата не существует в природе.

– Но ведь изложенное в этих рукописях – большей частью догадки. Это как бы эссе на свободные темы. А где мне взять материал? Неопровержимые доказательства? Чтобы все это не выглядело пустой болтовней.

– А вот в этом я вам помогу.

Пока они препирались, Тийворс так близко подошел к объективу, что его лицо с трудом умещалось в экран.

– Да и деньги? – исчерпав все прочие доводы, вспомнил Келаф.

Но тут Президент покачал головой:

– А вот денег не будет. Во всяком случае, на издание такого журнала. Если выстрел ваш состоится, если он попадет точно в цель – то потом эти деньги вы заработаете. И это не будет подачкой. А честный, заслуженный выигрыш. Однако оставим о деньгах. Из-за них я не стал бы звонить. Через час к вам придет человек, – как о чем-то решенном сказал тихо Тийворс, – и принесет кассету с дублями к репортажам Мансата. Пробы актеров и прочее. Не вам объяснять, как всем этим воспользоваться. – Он покусал губу, она уже кровоточила. – Сами увидите, как все переменится. Вы выйдете на улицу другим человеком.

Но про это Тийворс мог бы и не рассказывать. Это Келаф сам представлял. И все-таки что-то мешало:

– А если закроют журнал?

– Вы говорите о поражении?

– Да, именно, о поражении. Ведь я обязан считаться с такой возможностью. Вы сами сказали, что кроме журнала у меня ничего больше нет, – Келаф развел даже руки, лишь потом заметив, что они уже не в карманах.

А по лицу Тийворса пробежала как будто бы тень. Было видно, что он не собирался сейчас замолчать, но так получилось, что все-таки замолчал.

И эта вот перемена, стекляшки очков, будто ставшие вдруг непрозрачными...

Словом, сделалось ясно, что это – конец. Келаф снова увидел окно, телевизор, машинку, каретку...

– И Мансата жаль! – сам не веря себе, пробормотал тихо Келаф. – Мы были друзьями!..

Но Президент продолжал молчать, и это молчание становилось невыносимым.

– Можно я вам позвоню?! – взмолился Келаф. – Так вот сразу решать тут такие вопросы?!..

Но Президент еще какое-то время помолчал, а потом развернулся и двинулся прочь.

А Келаф остался стоять. С пустотой, подступающей к горлу. После всех падений и взлетов остаться ни с чем, с этой вот пустотой?.. Он уже видел, как гаснет экран, как фантом, дикий бред исчезает... Лишь каретка, машинка, паук меж бумаг...

Но экран не погас. Тийворс забыл выключить связь, и в объектив видеофона угодили вдруг шапки кустов, повторенные гладью воды; большой белый лебедь меж пятен кувшинок; чуть дальше – деревья, такие высокие, что им не хватает экрана. А сбоку, сливаясь со всем этим диким, по колени в осоке, узкогрудый, сутулый, в очках Президент...

...и ком пустоты просочился наружу, протек вдруг словами:

– Ты слышишь меня? – позвал тихо Тийворса Келаф. – Ты слышишь? Я – да... Я согласен.

Мэрла Вэй, помощница Руго Мансата, разбирала почту. Как делала это всегда, через день после покушения. Делать это сразу же утром – бессмысленно, газеты сообщат разве сам только факт, а ей интересен не факт, ей важны рассуждения по поводу: кто что пишет, сказал, общий взгляд и тенденция. Руго – занятый человек и не может читать все подряд, вот Мэрла и выбирала самое важное. И, в общем, все шло как обычно: бофов дружно клеймили. Солидные газеты делали это солидно, в пространных статьях с философским подтекстом: нищета, мол, «плодит деклассированный люмпен», а уж он «поставляет бойцов для преступного фронта»; газеты помельче, на желтой бумаге, не в пример старшим братьям обходились более земными словами и называли вещи так, как это

делает улица: дескать, «бофы – подонки; верхнедорлинцы – ангелы, уже потому, что все это терпят»; им подпевали специальные издания, типа «Слирпи́ста», «Флетонского бизнесмена» или «Любителя музыки», где можно было прочесть, что бофы «порождение антиэстетики», что их «нерентабельный фанатизм пребывает в противоречии с законами рынка», но он, этот самый фанатизм, «вполне мог бы быть сублимирован, обратись, скажем, в спорт» и т.д. Тут как тут были и юмористические газетенки, по такому случаю потеснившие комиксы и на расчищенном месте разместившие слегка бородатые анекдоты с карикатурами на скорую руку, способными рассмешить самих разве авторов. Но, в общем, поток был един: бофы – зло и виновны кругом: в безработице, в пробках на улицах, в дефиците жилья и в подпрыгнувших ценах. Все это несколько диссонировало с информацией на соседних страницах, где как раз сообщалось, что жизнь дешевеет и вообще с каждым днем становится лучше, – но подобные неувязки Мэрлы уже не касались. Это не ее ведомство, и этим пусть занимаются экономисты, составители планов, прогнозов и прочего, в общем те, кому это положено знать и кому за сей труд соответственно платят.

Она уже насобираала достаточно, понаделала вырезки, чтобы Руго мог все быстрым глазом прочесть. Оставалось сложить только в папку... Как вдруг ей попался журнал, содержание которого в первый момент вообще не коснулось сознания, показалось потусторонним, произвело впечатление чего-то нереального, как если бы все это было напечатано не в Дорлине и даже не во Флетонии, а на другой какой-то планете.

Мэрла закрыла обложку, открыла опять – словно заснятое там и написанное могло как-то вдруг испариться.

Но нет, те же снимки, на тех же местах.

«Сто Первый этаж», – по слогам перечитала Мэрла. Второсортный журнал, выходящий когда как придется. Она его даже не получила по почте, а купила сама с еще несколькими газетами такого же плана, и если бы в киоске напротив ее дома его бы не оказалось, ей бы и в голову не пришло искать его в другом каком-нибудь месте. То есть Мэрла могла его не купить, могла не прочесть, и о том, что в нем есть, никогда б не узнала...

Она даже подумала поддаться соблазну: мол, не знаю, не слышала, ну его, нет!

Но журнал был, лежал перед ней и держал как магнит. Будто даже прирос к ее пальцам. Сам собой раскрывался на тех же страницах, где одна за другой, словно кадры из хроники, шли фотографии: павильон, Руго Мансат в задумчивой позе; декораторы прямо из банок плещут красную краску на пол; пиротехники расставляют заряды. И тут же, чуть ниже, заряды их в действии: брызги крови, огонь... А в соседнем ряду – Юлус Бэнт перед зеркалом. И опять Юлус Бэнт, но уже на площадке. Телекамеры, свет, Руго Мансат, статисты. Полицейский весь в дырах и залитый кровью поднимается с пола и слушает Руго. И Мэрла, она, с полосатой дощечкой в руках отбивает еще один дубль...

Под фотографиями было что-то написано – но Мэрла не могла читать,

руки ее задрожали, и она отшвырнула журнал, как если бы взяла в руки жабу.

Позвонить Руго Мансату?! Вытащить его из постели и криком кричать: нас предали! SOS! Случилось ужасное! Теперь все будут знать: покушения – блеф!..

Но почему нас? – попробовала успокоить себя Мэрла. – Предали Руго, а я-то причем?

Но не успокоило. Бежать все равно надо. На студию прокрался шпион!..

Она даже представила, как садится в машину и едет черт знает куда: за город, вон, за границу!..

Только будто ее там кто ждет?

Нет! – затрясла она головой. – Это паника. Я могу понаделать глупостей. Во всяком случае, до разговора с Мансатом предпринимать едва ли что-нибудь следует. Ведь ему тоже надо спастись. И, конечно, он что-то придумает.

Мэрла стала набирать его номер – но вовремя спохватилась: я лишилась ума! Если на студию действительно прокрался шпион, нас ведь кто-нибудь может подслушать!

И тогда уже не в такой спешке решила обдумать свой план. Налила чашку кофе для бодрости. Но обдумывать было нечего: кроме Мансата адреса нет. Поехать к нему, говорить тет-а-тет при закрытых дверях. И вот ежели он ничего не предложит...

Но об этом сейчас не хотелось.

Она быстро оделась и сунула подмышку проклятый журнал. Но пока спускалась в лифте, почему-то вдруг вспомнила Бэнта: грязного, потного, в подтаявшем гриме. У него было такое свирепое лицо, в самый раз схватить нож и зарезать, и по-детски растерянный голос, будто принадлежал другому совсем человеку. Он ее приглашал провести вместе время, и она пожалела, что с ним не поехала... Но лишь из-за Руго – он стал так орать, что потом отпивался таблетками. И она вот осталась, и все пошло вкось... И журнал тут как будто был следствием, наказанием за эту вот трусость.

Если бы журнал ей попался в присутствии Бэнта – она не была бы одна. А так – ну куда теперь деться?

В другом каком состоянии она бы едва ли решилась, но сейчас, когда жизнь ее на карте – из гаража она позвонила Бэнту, пережив все то, что переживают в подобных случаях: сердечко ее замерло – как он встретит ее, пригласит ли опять, что она ему скажет?.. – но Бэнта дома не оказалось. А звонить не домой она не стала. Второй попытки она просто не выдержит. И вообще, как это ни странно, но то, что она его не застала, ее даже ободрило. Она позвонит потом, после разговора с Мансатом.

Ей открыли, даже не спросив, кто она и зачем. А в прихожей ее чуть не сбил с ног человек в полицейской форме. Она прошла в другую комнату и увидела Руго. Он оказался в халате, и его действительно вытащили из постели, но сделали это еще до нее. Да и ждал он кого-то другого.

– Ты?! – посмотрел он на нее так, будто не был уверен, что правильно видит.

– Я! – растерялась Мэрла и сразу забыла, зачем она здесь.

Но Мансат ее не прогнал, только уронил голову на голую грудь. Полы халата на нем были расхристаны, сходились лишь где-то на поясе, и Мэрла могла разглядеть его тело. Но рыхлое, совсем без волос, оно, скорее, отталкивало. Дай ему в руки бластер, как Юлусу, он не знал бы, что с ним надо делать.

Руго сидел в кресле, а она продолжала стоять, и уже подумала повернуться, уйти, как вдруг раздался звонок. Руго сразу нажал кнопку. Точно так же, как ей, ни о чем не спрашивая.

После этого он поднял голову и несколько следующих секунд прошли в томительном ожидании.

Пока, наконец, распахнулась дверь и в комнату вошел человек с очень плоским ноздреватым лицом. Поры на этом лице производили впечатление дырок от оспы. Особенно на носу, чуть побольше фасоли, где они были вовсе как раковины, во многих из которых поблескивали капельки пота. Человек солдатской походкой прошел мимо Мэрлы, неся на груди какой-то пакет...

– Ну!? – остановил его Мансат.

– Я принес! – отрапортовал плосколицый.

– Ну, принес, так показывай! – не очень с ним церемонился Мансат.

Плосколицый протянул пакет Мансату, скосил глаз на Мэрлу и застыл словно статуя.

– Мне, может, уйти? – спросила Мэрла.

Но Руго ничего не ответил, и Мэрла осталась.

А Руго уже взял пакет и вынул из него круглый предмет, что-то вроде тарелки, но с какими-то ремешками и пряжками.

– Ну и что? – повертел предмет Руго.

– Нет, не здесь, – как-то весь перекомпоновался плосколицый, выбросил вперед короткие руки, взял тарелку у Руго и перегнул пополам.

– А может, он их поцарапал, когда лез по стене?

– Никак невозможно, – опять перегнул тарелку плосколицый, но теперь не вдоль, поперек. – Стена как стекло, где он мог их поцарапать? К тому же это не царапины, а порезы, и идут, обрати внимание, не в одном направлении, а крест-накрест...

– Кто это сделал? – запахнул халат Руго, как если б ему стало холодно.

Но плосколицый лишь выпрямился и ничего не ответил.

– Кто?! – глядя в пол, повторил Руго. – Или хочешь лишиться своих генеральских погон? Я тебя, не кого-нибудь спрашиваю?!

Но плосколицый остался стоять.

– И почему она только одна? Он что, инвалид?! Однорукий?!

– Их четыре, – сказал генерал, явно совершив над собою усилие. – С двух ног и с груди, и с руки...

– Хорошо, что не три! Но пятая где? Я что, непонятно, что ль, спрашиваю?!

– Я только что допросил полицейских, которые спускались туда. Они просто раззявы, не сумели найти. Но тех, кто там были... – есть полный отчет. Сейчас мои люди там всеми займутся!

– Да это отребье, – откинулся Мансат. – Как будто бы что-нибудь скажут?

– Но присосок – у них. И его мы найдем!

– И что он вам даст? Скажет, кто его резал?

– Но это возможность найти нужный след...

– Не мели-ка мне, братец, тут чушь! – перебил его Руго. – Да ты лучше меня знаешь, кто это сделал!

– Но нет доказательств?

– А ты их найди!

Не хотела бы Мэрла сейчас оказаться на месте этого генерала. Руго на него не орал, а словно выцеживал желчь, и смотрел не в глаза, а в живот, исподлобья. Такой он мог все: уничтожить, стереть.

– Да ты понимаешь, что покушение случилось на день раньше, чем мы его с тобой запланировали?!

– Понимаю! – отрапортовал генерал.

Но Руго скривил лишь губу: мол, не очень ему в это верится.

– Ладно, – наконец посмотрел он в глаза плосколицему. – Сейчас у меня к тебе два задания. Сегодня вечером начинается Музыкальный Конкурс. Этот Конкурс должен превратиться в скандал. И выиграет его какой-нибудь прохиндей из провинции, о котором никто и ни разу не слышал...

– Но это никак невозможно!

– А ты сделай, чтобы стало возможно!

– Но я же сказал: у нас нет доказательств!..

– Ну-ну, – усмехнулся вдруг Руго. – Если бы были доказательства – зачем ты тогда нужен? И именно это будет тебе вторым заданием: доказательства эти найти. До обеда, – он посмотрел на часы на стене. – Самое позднее, за час до начала Конкурса все должно быть вот здесь, у меня! – и ударил кулаком по столу со стеклянной крышкой, что стоял рядом с креслом, на котором он восседал. Как эта крышка не разлетелась вдребезги, для Мэрлы осталось загадкой. – А ежели нет, сам полезешь на стену! Во всем генеральском величии! – и вырвал у плосколицего из рук все еще согнутую тарелку и запустил ею в стену.

Наверно, минуту после этого никто в комнате не шевелился. Пока первым не ожил генерал: наклонился, поднял с пола тарелку, брошенную Мансатом, засунул в пакет, в котором ее принес, и, не проронив ни слова, стал пятиться. Капельки пота одна за другой покатались из раковин на его щербатом носу. Генерал допятился до двери, при этом, будто у него были глаза на затылке, обойдя Мэрлу.

– Полезешь! – еще раз проорал ему Руго. – Как милый полезешь! Помяни мое слово!

Дверь бесшумно закрылась.

И теперь-то точно надо было уйти. Также пятясь, спиной, тишайше... Но

Мэрла стояла, боясь своей тени...

– А ты чего здесь?! – видно, потому, что она оказалась на пути его взгляда, вспомнил о ее присутствии Мансат.

И она развела лишь руками – а действительно, чего она здесь?.. – и тут из подмышки грохнулся на пол журнал и раскрылся на той самой странице... И Мэрла снова увидела Юлуса Бэнта, залитых кровью статистов, оператора с камерой в метре от них, чтобы выхватить крупные планы...

– Нас предали, – боясь, что заплачет, прошептала она. – Напечатали все наши дубли.

– Кто напечатал? Чего ты несешь?

– Да здесь. В этом самом журнале.

Она подняла его с пола и, неся, будто это была сковородка с огня, побыстрее бросила на стол перед Руго.

Руго изогнул шею и долго смотрел. Так долго, что у Мэрлы кончился воздух – все это время она не дышала. Потом перевернул две страницы, остановился и стал листать в обратную сторону.

– И что? – наконец все же выдавил он.

– Ведь это – скандал!..

– Ну, скандал. – Ни одна мышца на его лице не дрогнула, он все также смотрел, будто не понимал, что лежит перед ним. Точь-в-точь как она, когда первый раз все увидела.

– Хм! – буркнул он. – Ты просмотрела всю прессу?

– Наверное, всю...

– И где-то еще попадалось?

– Нет, только здесь...

– Угу, – явно что-то соображал Руго.

– Что же нам теперь делать?

– А зачем что-то делать?

– Но как же?.. – не поняла его Мэрла. – Надо как-то спастись... Куда-то бежать...

– И куда ты собираешься бежать?

– Не знаю.

Руго посмотрел на нее, даже прищурил один глаз, но выражение лица у него стало скорее ехидным:

– Тебя просто надули, – надоело ему испытывать ее терпение. – Ведь это – подделка. Дешевая утка! Тебе его кто-то подсунул.

Руго был до того спокоен, что Мэрлу передернуло.

– Да нет... Я купила в киоске...

– Конечно. А где же еще? Каждый день, небось, в нем покупаешь.

– Да, – согласилась она.

Руго смаковал свое превосходство, совсем не злился и был страшно доволен собой.

– Взгляни, – поманил он ее. Его губы скривились в улыбке, и Мэрла к нему подошла, хотя все, что в ней есть, тянуло в обратную сторону. – Даже номера не поставили.

– Какие номера?

– Да на вкладыше. Ведь этот журнал существует в одном экземпляре. Эта – сорок вторая, – он опять перелистнул две страницы, те самые, где были напечатаны фотографии, – а здесь: сорок третья.

Но Мэрла ему не поверила, пролистала сама. Действительно, два средних листа оказались без номеров, как бы лишние.

– То есть, вы хотите сказать, – она даже рискнула заглянуть в глаза Руго, и прочитала в них то, что сейчас ему скажет, – что они взяли готовый журнал и вложили в него разворот?

– Я знал, что ты умная женщина!

И в ней будто что-то оттаяло. Первый раз за все время в легкие протек воздух, не сверху, чуть-чуть, а так, что заныло под ложечкой. С души будто камень упал.

– А я-то!.. А я-а!.. – по щекам потекли даже слезы.

– Ха-ха-ха! – закатился Руго. – Уморила! Ха-ха! После этих кретинов!

Теперь и она вослед ему рассмеялась. Больше радуясь даже не самой догадке, а как правильно она поступила, что взяла и приехала. А то бы ходила и мыкалась. С Руго страшно, конечно, но все он насквозь будто видит. В жизни бы она сама не сообразила! С ума бы сошла. А он всего взгляд один бросил.

– Нашли дурака! Ха-ха-ха! – все пуще расходился Руго, листая журнал туда и назад, потешаясь над каждой страницей. – «Флетония внемлет», «Олк Тийворс – скажи!» – Да ждите! Конечно же, скажет! – прочитывал он вслух и тут же передразнивал заголовки. – Этот Келаф Стор, – выискал он имя издателя на первой странице, – мы с ним вместе учились. Кто бы другой, а он меня пальцем не тронет. Хотя, в общем, такой же дурак, как и все.

– А если бы все же издал? – подхихикивая, спросила Мэрла. Она еще только осваивалась с новым своим положением, но одно успела понять: сейчас можно позволить такое, чего Руго обычно не терпит.

– Да его бы с огнем давно бы разыскивали! – все также растекаясь в улыбке, сказал Руго.

– Вы послали бы полицию?

– Вот еще глупости! Да они это сами, получше чем я, умеют делать. Ведь для них это – во! – и стукнул себя ладонью по шее, да так сильно, что чуть не выронил верхнюю челюсть. Клацнул зубами и вставил ее на место.

И Мэрла всерьез теперь прыснула. Позволено было все. Она и подумать не смела, что Руго бывает таким.

– Интересно вот только, что за сволочь все это подстроила? – он отодрал разворот от журнала и посмотрел его даже на свет. – Не сам же сюда он прилачился?!

– Наверное, кто-то из тех, кто верит в «Борцов за Флетонию», – брякнула Мэрла.

– Конечно! Они! Ха-ха-ха! Для таких вот куриных мозгов! Провести чтобы Мансата, Руго!

– Ха-ха!

– Мол, порежем присоски, чтобы этот вороной слетел со стены! – не

вытаскивая руки из карманов халата, он взмахнул его полами, и получилось вправду похоже на птицу. – А потом фотографии. На! Получи!

– Чтобы вы испугались.

– Ох! Как я боюсь! Нет, ты посмотри, нет, сейчас умираю!

– Ха-ха!

– Хочешь выпить?

– Чего ж.

Он чуть не свалился, когда выбирался из кресла, хватался за сердце, хромал и размахивал полами-крыльями. Раскрыл створки бара, накапал в бокал:

– Сейчас. Вот сейчас полегчает!

Потом взял еще один бокал и бутылку.

– Чего ты стоишь? – подтолкнул Мэрлу к креслу.

Она села напротив, он накапал и ей:

– Крепкая штука.

Мэрла пригубила – напиток действительно был очень крепкий, в первый момент перехватило дыхание, но потом побежало по телу тепло. И стало приятно, и еще как бы легче.

А Руго продолжал паясничать, принялся изображать позавчерашнего бофа, как он переставляет присоски-тарелки, и получалось у него так здорово, что в какой-то момент Мэрле показалось, будто посреди комнаты и вправду стоит стена. Тончайшая, невидимая, и Мансат за ней как в аквариуме.

Руго посмотрел вниз, высоко ли забрался, скорчил дикую рожу и двинулся дальше. А когда один присосок стал отлипать, поплевал на него, чтобы приклеился крепче.

Мэрла хваталась за живот, уже не хохотала, а плакала.

Мансат выпил еще:

– Одна лишь загвоздка, зачем это им было нужно?

И стена, по которой он лез, как-то вдруг испарилась.

Но Мэрла не приняла слова Мансата всерьез, приготовилась, что он опять что-то выкинет:

– Да вы сами сказали, чтобы вас напугать.

– Конечно, – закивал сразу Руго. – Напугать – преотличная мысль. Вот только зачем? Кого надо бояться?

– Ну-у, этих, которые верят в «Борцов за Флетонию»... – впрочем, еще не договорив до конца, поняла, что запуталась Мэрла.

– Те, которые верят, не станут пугать, – тем не менее продолжил ее мысль Руго. – Их как раз-то все очень устраивает.

– Значит, те, кто не верят? – теперь осмелела Мэрла.

– Теплей, – согласился с ней Руго.

– А кто же не верит? – сама с собой принялась рассуждать Мэрла. – Те, кто знают, что все это блеф. Потому что не зная, как можно не верить?

Но Руго, вместо того, чтобы внести ясность во всю эту путаницу, накапал еще ей в бокал.

– Подождите, сейчас, – она отвела его руку, но Руго продолжал

держат бокал перед ней, и она его все же пригубила: опять пробежался ожог, но когда улеглось, обратилось в тепло, – она все же продолжила мысль: – Если все это ваша фантазия, в смысле, бофы и их восхождения... Значит, вам-то точно известно, что «Борцов за Флетонию» нет. А раз вам известно, то вы и не верите. И тогда получается... – она на секунду задумалась, говорить или нет, но потом все же решилась: – Вы сами себе подбросили этот журнал!

Руго от нее отодвинулся, и лицо его сделалось жестким, но мгновение спустя искривилось в усмешке:

– Во! Гениально! – оттопырил он большой палец.

– Нет, вы серьезно?

– Еще надо выпить.

Но больше она не могла, потому что вокруг все кружилось...

– Да в этом и смех, – заговорил теперь он. – Если следовать логике. Концы тут с концами свести... То, действительно, я!

– Но зачем? – не поняла Мэрла.

– А действительно, зачем? – вопросительно посмотрел на нее Мансат.

– Не знаю... – растерялась она. Точнее, хотела лишь растеряться, потому что Руго вдруг снова зашелся:

– А чтобы тебя напугать! Ха-ха-ха!

И она опять засмеялась. Но теперь в полсилы.

– Ведь никто не поверит, что все это случай, – накапал еще в бокал Руго. – Ведь фотографии сделаны с записей, с забракованных дублей, с тех самых кусков, что с тобой мы отбросили.

– Да. Ну... Конечно, – все трудней поспевала за ним Мэрла.

– Но не могу же я предположить, что все это ты мне подбросила?

– Я?! – в минуту похолодела Мэрла.

– Нет, конечно, не ты. Но просто если следовать логике. А если не ты, то кто остается?

– А вы и остаетесь, – уже без смеха проговорила Мэрла. – Или, все же, не вы?..

– Я бы лучше устроил, – откинулся на спинку кресла Руго. – Я бы этого малого напечатал, что со стены навернулся. Что не кукла он вовсе, живой... То есть был бы живым, если бы присоски ему не порезали.

– Отчего же не устроили?

– Не устроил...

Но было видно, что он еще не выговорился. Только Мэрла теперь боялась его подталкивать. Лучше выждать. Пусть сам все расскажет.

А он тем временем поднял с пола выдранный из журнала разворот:

– А снимки-то старые. Не оказалось у этого господина сегодняшних дублей. Не успел раздобыть.

– Заранее, значит, готовился! – обрадовалась Мэрла, что можно увести разговор хоть немного в сторону.

– Конечно, заранее, – согласился Руго.

– И что боф упадет со стены?..

– Упадет, – ухватился за это слово Руго. – Именно: упадет! В будущем

времени. Даже я, вот, не знал, а ему уже было известно.

- Откуда же мог он узнать?
- А, наверное, от тех, кто присоски порезал.
- Угу, – даже озноб пробил Мэрлу от предчувствия близкой разгадки.

Но Мансат не спешил отвечать. Вновь накапал в бокал и уставился в потолок, как будто бы что-то прикидывал.

- Может, кто-нибудь из статистов? – не удержалась она.

– Не-е. Не с руки им такое. Фантазии просто не хватит. Абсолютно бездарный народ. Да и рискованно слишком. Их всех по сто раз там обыскивают.

- А вдруг – операторы?
- За деньги, что я им плачу?
- А ему заплатили вдвойне!

– Дешево ты меня ценишь. Чтобы с Руго тягаться – на двадцать, на тридцать помножь. Да и дальше бы было с размахом. А тут, столько денег отдать, чтобы сюда разворот этот вклеить?

- А может, тут вовсе не деньги? Насолили вы, может, кому?
- А это уж близко, – встрепенулся Руго.
- Да только кому?
- А Юлусу Бэнту.
- Ой! – прикусила язык Мэрла.

Но Руго не заметил ее оплошности, глотнул из бокала и отставил его в сторону.

– Все думают, я очень сильный, – как-то раздумчиво произнес Руго, словно разглядывая то, что осталось на дне. – А я вовсе не сильный. Просто так все сошлось. Всю-то жизнь меня в угол толкают. Загонят, и выхода нет. И ждут, что слабинку я дам. Расслаблюсь – по стенке размажут.

- И кто же размажет? Что ль, Бэнт?..

- Нет, Бэнта я не боюсь.

– Значит, все же кого-то боитесь? – вырвалось у Мэрлы, и она чуть не умерла от страха, осознав, что сейчас вот сказала.

Но Руго ответил так, будто говорил сам с собой, не придав ее словам никакого значения.

– Меня есть на чем ловить. Я всю жизнь вру!.. – и словно что-то в себе надломив, оторвался от спинки кресла Мансат и сел прямо, как свечка: – А думаешь, врать – это просто?! Сегодня одно, завтра другое. И помни потом: что сказал, когда сделал. Это правду легко говорить. Ну ошибся, другие поправят.

- Так зачем же вы врете?

– Зачем? – сам себе усмехнулся Руго. – Да ведь если не врать – все с тоски вы подохнете.

– Значит, все-таки вы? – уже совсем ничего не понимая, опять посмотрела на разворот Мэрла.

Но Мансат покачал головой, и лицо его стало непроницаемым.

– Философствую тут, – буркнул он, вдруг став прежним Мансатом, каким его Мэрла боялась.

– Вы считаете, я просто дура? – надо было замолчать, но после выпитого, да и услышанного в голове все кружилось.

– Разумеется, да, – не колеблясь ответил Руго.

И теперь она затаилась, как мышь.

Он выговорился, и к нему возвращались силы. И как раз вот поэтому его начинало злить, что он столько времени мечет тут бисер. Говорит о вещах, которые всегда и ото всех скрывал.

– Подойди, – позвал он. – Больше часа сидеть рядом с женщиной...

Она уже заметила переход в его настроении, но не ожидала, что все произойдет так быстро. Сказать, что она испугалась, все равно что ничего не сказать. Все в ней провалилось куда-то в пятки. Ей даже показалось, что и со слухом у нее что-то случилось. Что она просто не расслышала, не поняла...

Но он повторил:

– Подойди!

И она поднялась, как будто тянули ее за веревку.

Сколько бы она отдала, чтобы он ее отпустил... Ей уже не хотелось разгадки, не хотелось вообще ничего. Но сделала шаг, хотя пол уходил из-под ног...

– Ближе подойди! – все с тем же выражением лица проговорил Руго. Как командовал статистами в павильоне. Или совал в руки Бэнта сценарий.

И она подошла.

Руго попытался дотянуться до молнии у нее на спине, но не смог, и Мэрла ему помогла...

– Отпустите меня!

– Отпущу.

Но руки его и не думали ее отпускать.

– Я некрасивая, толстая!..

Она не понимала, зачем это делает. Почему обязана ему уступать. Быть может, из страха? Все равно бы он взял, что хотел... Руго мог наорать, мог унижить, но ему всегда было плевать, что она ко всему еще женщина. Когда-то, лет десять назад, когда Руго выбрал ее и доверил ей роль быть помощницей: как собачка ходить по пятам, исполнять его волю и прихоти, – она замирала перед ним, он был для нее просто бог. Тогда бы он, только скажи... Но сейчас он ей был омерзителен: дрожащие руки, безволосая грудь...

Платье наконец поддалось, опустилось до пояса. Лишь тоненький лифчик скрывал ее грудь.

– Вы могли бы найти и получше...

– Сними, – приказал Руго.

И она опять подчинилась. Точь-в-точь как всегда. Дескать, что вы еще пожелаете?

И все-таки, с каждым движением, вокруг возникала стена. Мэрла отстранялась. Была будто в колбе. Он мог дотянуться до нее рукой, но достать своей аурой, превращающей человека в раба, уже был не в силах. Исходящие от него флюиды разбивались о стенки стекла.

Если бы в его глазах проступила хотя бы похоть. Но он просто сидел, развалившись в кресле, пригубив бокал, и смотрел снизу вверх. Снедаемый совсем другим голодом, на который она скажет нет.

– Подойди, еще ближе, – позвал снова он, до боли сдавил ее ноги коленями. Отставил бокал, протянул к груди руки и стал тискать соски. – Или все-таки сильный? – спросил ее он. – Ведь вы же хотите, чтобы я был сильный?!

Она не ответила и это его еще больше разозлило.

Его ухоженные пальцы казались шершавыми, а острые ногти царапали кожу. Но Мэрле даже не стало противно. Она ощущала лишь боль. Ничего, кроме боли. А он, все больше овладевая ее телом, не мог почувствовать себя хозяином этого тела. Все было его – и все-таки что-то ему не давалось. И он тискал сильнее, грубей.

– Смотри, какой сильный! Смотри, могу все!

Но на самом деле не мог. Даже когда поставил ее на колени, распахнул свой халат и притиснул к себе...

В лифте она подумала о Юлусе. Сразу и только о нем. В этой мысли было что-то очищающее. Зря она приехала к Руго. Нечего было тут делать... Но зато теперь знает: все будет не так.

Позвоню. Вот приеду домой, скину всю эту дрянь.

Ее раздражала одежда, даже собственное отражение в зеркале. Она уже представляла, как бросит платье в мусоропровод, а сама заберется в ванную и будет себя долго мыть...

А потом позвоню. Мол, забудем об этом...

Она так и начнет с ним, на «ты», как там, в павильоне... где этот гад все испортил.

В гараже на глаза попался видеофон, и она набрала быстро номер.

Ничего не скажу, лишь узнаю, что дома...

Но Юлуса, как и в первый раз, дома не оказалось, автоответчик попросил позвонить через час, и Мэрла уселась в машину.

Через час – хорошо. Я уже буду в норме.

А у самого выезда из гаража, пока раскрывались ворота, притормозила у газетного киоска. Машинально пробежала заголовки и увидела: «Сто Первый этаж». Схватила журнал и бросила рядом с собой. И лишь оказавшись на улице, подумала, зачем это сделала? Снова выписывать, кто что сказал? Вырезать и подклеивать? Чтобы Мансату было сподручней прочесть? А то время – деньги! Нельзя тратить зря. Придумывать надо, кому что наврать!.. А катись-ка к чертям это все вместе с Мансатом!..

Хотя, на самом деле, ей нужен какой-нибудь план. Она вовсе не хлопнула дверь. Руго ей еще важен. Спасти чтобы Юлуса. Если все-таки он стянул дубли со студии?.. Сейчас она в этом нисколько не сомневалась.

Но мысли носило. Она вдруг вспомнила, что сегодня начинается Музыкальный Конкурс, а значит два дня покушений не будет. То есть, может, и больше. Но два дня – это точно. Если Юлус свободен – махнуть бы куда!..

Ей понравилось, что она так запросто распоряжается его временем. Лишь расскажет ему, что сегодня узнала: про эту вот утку в журнале – Руго все же струхнул, лишь потом разобрался... – то-то будет потеха. Боится он, все же!

Машин было много, часы перевалили за восемь, начинался час пик, и ехать приходилось медленно, подолгу стоять у бесчисленных светофоров. Мэрла спустилась с Двадцать Пятого этажа, где жил Руго, и машин сделалось еще больше.

Нет, за час не успею. Придется звонить не помывшись.

В очередной пробке она закурила сигарету. В соседних машинах листали газеты, и она тоже взяла свой журнал. – «Сто Первый этаж», – еще раз пробежала его обложку, раскрыла наугад – и чуть не поперхнулась: с фотографии на нее смотрел Руго. Тот самый Руго, в окружении статистов, у стены декорации с огромными дырами, дающий советы окровавленному полицейскому. Это был тот же самый разворот, из-за которого она помчалась к Мансату и над которым Мансат потом хохотал.

Сзади засигналили, светофор дал зеленый, но она не могла шевельнуть даже пальцем: – и с нумерацией было все то же: сорок вторая, два листа просто так, а потом сорок третья страница.

Клаксоны выли уже нестерпимо, и она все-таки нажала на педаль, но снова остановилась, заметив киоск. На этот раз вытянула из автомата сразу три номера – но надежды не оправдались: изо всех на нее смотрел тот же Руго!

Мэрла огляделась. В городе должно было что-то происходить. Демонстрации, бунты, насилие... После вот этого, – она опять заглянула в журнал.

Но не происходило ничего. Туда-сюда проносились машины. Реклама сияла на стенах. Кто-то что-то кому-то пытался продать. Фонари горели под сводами улицы. Деревья с зеркальными листьями отражали режущий свет.

– Нет! – похолодела Мэрла. – Не хочу! Не могу! Невозможно!

Она дала газ, опустила стекло и вышвырнула журнал. Он ударился в раунт тротуара, растопырился мокрою курицей. А она схватила другой. За ним третий, четвертый. Чтоб не было!

Налетевший автомобиль поддал их буфером, так что брызнули белые ключья. Но один уцелел, отлетел на капот соседней машине, с нее скакнул на другую, закрыл лобовое стекло. Кто-то взвился клаксоном, завыл тормозами.

Но Мэрла не смотрела. Не вижу! Их нет!

А они все же были. В соседнем киоске. Опять промелькнули – «Сто Первый этаж». И эта их неистребимость несла в себе что-то ужасное...

В воздухе повис запах каких-то эссенций, чего-то химического и очень стерильного. А из сплетения трубок под потолком, сквозь несчетные

дырки-форсунки, повалила белесая пена. Поначалу тончайшая, словно "апчхи", когда щиплет в носу перед насморком... Но потом вдруг добрея, взбухая как вата – и Келаф включил дворники: все вокруг за минуту сделалось белым – деревья, экраны, которыми как кафельной плиткой были выложены стены улицы, капоты машин... Келаф плыл в этой вот белизне, ощущая, что тоже становится белым. Белизна отмывала, возвращала к началу. Нечто подобное он ощущал, когда положив перед собой белый лист, принимался за новый журнал. В котором все будет не так, по-другому. Надежды потом не сбывались, но надежды – другой разговор. Зато вот само ожидание, предчувствие того, что случится...

То же и на улице: несколько мгновений Келафу казалось, что он вовсе не в Дорлине, а где-то, неведомо где, – но через пару минут там и сям замелькали прорехи: кусочек дороги, экран с яркой надписью. Фонарь словно глаз проглянул с потолка, разбив синий луч о зеркальное дерево...

Келаф завертел головой: у края дороги, вдоль узкого тротуара, змеился ручей. В хлопьях сизого пара, урча и взрываясь фонтанами брызг, он рвал эту пену, вбирал все в себя: всю пыль, все плевки, все газеты, обертки, – все то, что копилось тут день и всю ночь.

Единоборство их длилось недолго. Келаф проехал всего метров триста, и белизна испарилась. Возвратив, правда, стенам утраченный блеск. Подернув дорогу как будто бы воском. Раскидав сотни радужных бликов на листьях, капотах, на крышах машин...

Ручей тоже какое-то время напоминал о случившемся, но теперь не кипел, не метался, не буйствовал. Тянулся, тончал до ближайшего стока...

Так город избавлялся от насморка, поддерживал свою чистоту. И все-таки что-то ему не удавалось. Или Келаф хотел видеть тут неудачу? Но все эти плевки уходили не в вечность, покидали на время, до следующей ночи. Ведь на самом деле город хотел избавиться не от грязи, а от чего-то другого, от причины, эту грязь порождающую. Оттого и сдирал с себя старую кожу. Но когда нарастала новая, на ней, как родимые пятна, проступало все то же.

Нет, что-то было не так, и не только у города. Келаф должен был испытывать эйфорию, лететь на крыльях. Но он не летел, а тащился в машине и испытывал разве усталость. Может быть потому, что сделанное не было его личной победой? Он не мог назвать это достижением цели, вожаденной, к которой он шел... То есть, может, и шел, и, скорее всего, шел – но плод-то свалился как манна небесная. Сам взял да и шлепнулся в руки... Или, может быть, ему не понравился человек, который принес кассету? Неискренний, скользкий, лоснящийся. С по мышиному шустрыми глазками. Он скорее походил на дельца или маклера, чем на посланника Президента. Представился "Бэнт" (придумал, конечно), зато слово в слово повторил слова Тийворса. И Келаф подавил неприязнь, схватил материал и повез в типографию, состряпал там вкладыш и вшил в уже сверстанный номер. Оставленный разворот, который он продержал до последней минуты, для этого материала не годился. Там были фотографии, отличного качества – еще никогда в руки Келафа не попадали такие добротные

снимки – и напечатать их на обычной бумаге – только испортить. Келаф не поскупился на самую лучшую. Еще залез в долг. Ему не привыкать. Зато вышло – самому было приятно взять в руки. А оказавшийся лишним разворот занял текстом – вытащил из стола две старые рукописи: одну – «Рассуждение о свободе художника», и другую – «О слове, что ранее смысла», где пытался доказывать, что если ты хочешь выразить мысль и под мысль подбираешь слова, то эти слова превращаются в бисер, то есть утрачивают свою самоценность. Отчего и сама мысль наполняется ложью, даже если первоначально ложной отнюдь не была. И только в обратной ситуации, когда слово провоцирует мысль, можно договориться до чего-нибудь путного. Какое отношение эти рассуждения имели к фотографиям и вообще к содержанию номера, было неясно. Писались они для другого журнала. В смысле, для «Сто Первого этажа», но с иным наполнением. Однако Келаф с трудом объяснял себе собственные поступки. Происходило такое, чего не было с ним никогда. Он вышел сразиться с самим Руго Мансатом. И не то что бы сдрейфил, но слегка растерялся.

Нет, надо убраться из города. Хотя бы на час или два. Отстраниться. Увидеть все сбоку. И у него даже начал созревать план: в пяти километрах от города есть кабачок, на Горе Маяка, откуда открывается замечательный вид на Дорлин. И вот посидеть, пропустить там стаканчик. Он даже подумал позвонить кому-нибудь, чтобы составил компанию. Но потом отмахнулся: мол, это соблазн. Побывать одному, без друзей и без женщин.

Однако выехать из города Келаф не смог. Выезд был перекрыт, там стояла полиция. Видно, у кого-то угнали машину, – подумал Келаф. – Судя по скопившейся пробке и по тому, как подолгу полицейские беседовали с каждым водителем. Выстаивать очередь Келаф не стал, дал задний ход и поехал к другому выезду.

С Двенадцатого этажа он спустился этажа на три вниз. Вырвавшись из деловой части города, он почувствовал себя посвободней, отыскал прямую как линейка улицу и подбавил чуть скорость.

По логике вещей, с минуты на минуту должен был грянуть скандал. Но как именно это проявится? На улицы вывалят толпы разгневанных обывателей? Мансат прилюдно покается или против него будет возбуждено уголовное дело? Келаф не знал. Да честно сказать, и не очень задумывался. Во всяком случае, до этой минуты. Но сейчас ему захотелось примет. И пока до другого выезда оставалось еще далеко, Келаф принялся озираться.

Но ничего особенного на улице не происходило. Рядом с ним, туда и сюда летели машины. Полифроловые деревья высились над тротуарами. В их листве отражались экраны, на которых время от времени рекламные росчерки сменялись огромными надписями: «Музыкальный Конкурс». Потом возникала ведущая Конкурса и что-то рассказывала, чтобы уступить место очередному претенденту, который тут же, с места в карьер, принимался рвать струны гитары, истошно орать или бить в барабаны.

Нет, хотя журнал Келафа коим-то образом и касался искусства, но о Музыкальном Конкурсе Келаф никогда не писал. И даже не из чувства

протеста. Возводить ореол вокруг этих кривляк? Природа не наделила его особенным слухом, и в музыке он не был силен. Но то, что делают эти – не музыка. Тут надо быть психиатром. Социологом, на худой конец. Лучше всего – философом-практиком. Что – к счастью ли, нет? – но не по Келафа ведомству.

Зато вот издательско-редакторская деятельность, – и здесь он может похвастать, – с журналом, с последним номером, что вышел сегодня, он сделал все донельзя вовремя. Провозись еще два-три часа... Перед тем, как оставить типографию, он связался с несколькими магазинами: журнал продавался и шел нарасхват. Продавцы выдергивали из него разворот и вставляли в витрину. И народ поддавался, покупал и читал. Где-то в два часа дня они читать перестанут. Все внимание обратится лишь к Музыкальному Конкурсу. Но Келаф успел. На часах только десять, а в типографии не осталось ни экземпляра. В вечерних газетах появятся отзывы – и тогда уже Келафа не возьмешь голыми руками. Даже если Мансат задействует всю свою силу.

Хотя, честно сказать, о силе Мансата у Келафа были весьма смутные представления. Что с Руго лучше не связываться – это одно. Но тогда у Келафа не было никакого прикрытия. А после разговора с Президентом, без чего и не заварилась бы вся эта каша, положение изменилось. И он на какое-то время перестал Мансата бояться. Но сейчас, хотя и старался держать хвост пистолетом, чувствовал, как страх возвращается. Какой-то странный, животный, лишенный всяких разумных оснований. А что, если Мансат перекроет все краны, обзвонит газеты и запретит давать отзывы? Чтобы сделали вид: ничего будто не было. Или больше того: они обвинят Келафа в клевете. Фотографии, дескать, подделка... Но об этом Келаф подумал еще до того, как поместил их в журнал. Заказал экспертизу, и есть у него подтверждение, которое он сможет всегда предъявить... Только на кого рассчитано это подтверждение? На Мансата? Но он и так знает правду. На суд? Если быть на сто процентов уверенным, что он неподкупен. Или на общественное мнение, которым никто лучше Мансата не умеет манипулировать. Напечатает рядом с этими фотографии другие. Как не постеснялся показать падение бофа. Не сдрейфил подставить там куклу! И ведь смешно полагать, что ни один человек из тех, что работают на телевидении, об этом не знал и не знает. Но где они все? В рот набрали воды. Почему? Как сумел он заткнуть всем им рот?

Самое простое: Мансат сам подаст на Келафа в суд. Возмутится, разыграет обиженного... А у Келафа, кроме кассеты и еще бумажки из экспертизы – которая без кассеты ничего не стоит, – никаких иных доказательств на руках нет. Кассету он, конечно, размножит. И с бумажки можно снять не одну копию. И попрятать все это в разных местах... И все-таки, если дело дойдет до суда, то есть Мансат перехватит инициативу, и нависнет угроза, что события развиваются по его сценарию – придется вмешаться Президенту. Он просто будет обязан прийти на помощь! Не может так быть, что он Келафа бросит!

И тут в голову Келафа закралась совсем дичайшая мысль: а что, если

спуститься сейчас в Нижний Дорлин? Разыскать там людей, что видели бофа? Не по телевизору, а своими глазами. Сначала живым, а потом уже мертвым. К ногам которых он рухнул.

Но мысль была не только что дикой, но еще и нелепой. Потому что в Нижний Дорлин никого не пускают. И Келафу это отлично известно. Разве выхлопотать специальное разрешение? Суметь доказать: не прогулки я ради, а нужно туда в интересах журнала!.. На что и в лучшие времена, скорее всего, ответили бы отказом. А тем более сейчас, и в его положении...

И все-таки это было бы здорово! Если Мансат и вправду пойдет на конфликт – то Келаф ему всех вот этих свидетелей. Слова, мол, словами. И снимки вот тоже. Но людей-то тебе черта с два ведь подделать?!..

Келаф мог бы еще продолжать. Но тут он заметил машину... Вокруг было, впрочем, довольно машин, но эта показалась ему подозрительной. Небольшой черный «Ларфит» с непрозрачными стеклами. Келаф сменил ряд, и машина сменила ряд следом за ним. К выезду из города надо было ехать все время прямо, но Келаф решил, что свернет в переулок. Причем решение он принял в последний момент и свернул очень резко. Кто-то сзади зашелся клаксоном. Но когда Келаф оказался на незнакомой улице, все также увидел позади себя «Ларфит».

Только этого не хватало! – теперь не раздумывая, крутанул Келаф в еще один переулок. И сразу понял, что совершил ошибку: переулок был пуст, и если из этого чертова «Ларфита» за ним и вправду следят, то лучше оказаться на центральных улицах. Где побольше народу, машин и полиции. Он крутанул снова и оказался на совсем уже узенькой улочке с односторонним движением, да еще не в ту сторону... Что он понял, к сожалению, не сразу. В отличие от предыдущей улицы, здесь была машина, всего лишь одна, но ехала, конечно, навстречу. Келаф засигналил, будто водитель встречного «Плиншида» мог что-нибудь сделать. В ответ на сигналы, растерявшись, как видно, не меньше Келафа, «Плиншид» зажег все фонари, вплоть до аварийных мигалок: то ли желая напомнить о своем преимуществе; то ли просто с испуга – даю, дескать, SOS!.. Самым разумным было остановиться, выйти из машины и попробовать договориться, чтобы встречная машина подала назад. Разъехаться тут все равно невозможно. Но когда в зеркале над лобовым стеклом Келаф увидел следующий по пятам «Ларфит» – план о переговорах сразу отпал. Келаф только почувствовал, как кровь прилила к лицу, и понял, что прогнозы начинают сбываться. К тому же в наихудшем своем варианте. Этих людей, скрывающих лица за непрозрачными стеклами, послал Руго Мансат! И Келаф что есть силы навалился на газ. Машина рванулась так резко, что завияла из стороны в сторону, и у Келафа чуть не вырвало руль... Но вилить было особенно негде, до «Плиншида» оставались считанные метры, и Келаф вмазался в его буфер. Но то ли потому, что подлетел к «Плиншиду» не совсем в лоб, а все же чуть сбоку, или сидел повыше этого «Плиншида» – но ударом Келафа не разможило, а бросило вверх, одновременно накренив на одну сторону. Да так, что в правое окно Келаф

увидел тротуар, посыпанный стеклами. В следующее мгновение он как бы завис между небом и землей – в той критической точке, когда машине уже все равно, куда падать: на крышу или на брюхо... Но этого мгновения хватило, чтобы «Плиншид» – он ведь тоже не стоял на месте – продвинулся на несколько метров, то есть прополз под Келафом (сам же Келаф все это время только и делал, что цеплялся за руль с единственной целью: не свалиться с сиденья) – но когда «Плиншид» оказался за спиной, Келафу так захотелось снова вернуться на мостовую, что машина ему подчинилась и грузно, как черепаха, плюхнулась на живот.

Теперь в зеркало над лобовым стеклом Келаф увидел, как из «Плиншида» выскочил водитель и, размахивая руками, стал что-то орать. Но смотрел в его сторону Келаф только мгновение. Надо уматывать отсюда! Попробовал педаль: не испортилось ли что-то в машине? Но на нажатие педали машина отреагировала нормально – набирая скорость, покатила по улице. Навстречу, слава богу, больше никто не попался. И уже на полных парах Келаф домчался до первого переулка, метнулся налево и тут же направо. Сквозь какую-то подворотню и вереницу дворов вырулил на соседнюю улицу, с нее на другую, на третью – пока не оказался перед шахтой спирального лифта.

Это был подарок судьбы. Не снижая скорости, Келаф влетел в этот лифт и нажал кнопку «вниз». На самый нижний этаж, на какой только можно спуститься.

Таким этажом оказался Пятый. Дальше пролегла граница между Верхним и Нижним Дорлином.

Келаф выехал из лифта, завернул в переулок и остановил машину перед забором с экранами. За забором был сквер... Во всяком случае, был там когда-то.

Пятый этаж резко отличался от верхних этажей своею запущенностью. На дороге валялись консервные банки, обрывки газет и пакеты из пластика. На тротуарах, как и на верхних этажах, возвышались полифроловые деревья, но покрытые таким слоем пыли, что о зеркальности их листы можно было только догадываться. Вмонтированные в стены экраны горели один из трех, да и те, что горели, – лишь тускло светились, так что с трудом можно было разобрать, что там показывают.

Но сквер был достопримечательностью этажа. В первый раз Келаф наткнулся на него совершенно случайно. И обалдел. Потому что сквер был настоящим. В нем росли – именно росли, а не стояли, вделанными в полифроловую мостовую, деревья, покрытые живыми зелеными листьями; на лужайках зеленела трава; на клумбах пестрели цветы. И еще было крохотное озерцо в зарослях камыша и осоки, с огромными кувшинками и желтыми лилиями, по которому плавали утки и лебеди.

Келаф открыл калитку, но еще не добравшись до первой скамейки, подумал, что лучше уйти...

Последний раз он здесь был примерно полгода назад, и не строил иллюзий, что следующая встреча вообще состоится. Сквер был обречен, на

глазах угасал...

Еще в первый приход Келаф обратил внимание на странную вещь: за сквером никто не следил. На дорожках пробивалась трава. Со скамеек облезла краска. И не надо было обладать богатой фантазией, чтобы вообразить, чем однажды все кончится. И все же с тех пор стал возвращаться сюда. Каждый раз отмечая приметы распада: засохшие ветви или рухнувший ствол, что-то скользкое, липкое в стеблях осоки. На клумбах все гуще росли лопухи. На скамейках – поганки и плесень.

Раз или два Келафу приходило в голову тут что-то исправить: расчистить тропинку, оборвать сорняки, – но еще не принявшись за дело, он чувствовал как опускаются руки. Я продлю ему, разве, агонию.

И тогда Келаф решил о сквере забыть. Как умел забывать неприятные вещи. В конце концов, это какая-то ненормальность: наслаждаться, когда что-то гибнет. А у него есть журнал, есть работа и цель...

Но оторвать сквер от себя оказалось не так-то просто. В душе словно осталась какая-то выщерблина. Келаф выпускал новый номер журнала – и всегда ощущал, что чего-то ему не хватает. Чего-то такого, от чего он всю жизнь порывался уйти. И тогда его снова тянуло сюда, в это царство распада и гибели...

Сквер как будто вселился в него и теперь прорастал сорняком, в липких струпьях гниения и плесени. Отторгнутый жизнью, в силу какой-то несовместимости обреченный на смерть, почему-то он ластился к Келафу.

Но смерть – удел жизни, – рассуждал тогда Келаф. – Смерть можно принять, но невозможно любить...

Но от таких построений распадалась последние связи. В них сидел какой-то подвох. Что-то будто нарочно хотело встать на голову. И Келаф как умел этих связей чурался...

Но то, что увидел сегодня?!.. Увидел и взвыл.

За забором стояли скамейки и вились дорожки, пестрели цветы, шелестела листва. Не зеркальная, нет, а почти что живая... И цветы ей вослед повторяли себя: анютины глазки, настурции, лилии. На подернутом ряской пруду как и прежде плавали птицы. И когда Келаф подошел к воде, раздвинул осоку и протянул завалявшуюся в кармане крошку – большой белый лебедь ее подхватил...

«Сперва было Слово!» – вспомнил он, почему-то, слова Президента. – Но «сперва» – значит, прежде чего-то другого. А что было прежде? Да и было ли вообще?

Он сорвал лист кувшинки и смял его в пальцах – но внутри отыскал только жгут проводов. Точно также поступил он с фиалкой, с настурцией, лилией – всем, что тут есть. И ни в чем не нашел даже признака жизни. Лишь какую-то вату, что-то прокисшее, тягучее, липкое, с мерзостным запахом...

Он сел на скамейку, такую же как все тут, из пластика...

И это вот, значит, случилось потом?..

Или не было Слова? Оно было – ложь?..

Ведь прежде была в мире только Природа. Возникла из Слова.

Сказалось – и есть. А потом это Слово сказала она. Обронила – и вот, появляется Дорлин.

Но Слово всегда было смерть. Замыкалось в себя, будто в кокон, и там из себя порождало другое. Как личинку, как бабочку – новую жизнь. А город решил, что поступит иначе: дескать, хватит, довольно, я буду бессмертен! Сказал – и солгал, и с него пошла ложь.

И я, – вдруг совершенно другими глазами увидел себя Келаф, то ли потому, что это «я» отражалось в пруду, то ли вдруг ощутив, что он близок к разгадке. – Я – порождение этого города. Его лжи, лицемерия, тысячи масок. Его репортажей, его Руго Мансата. И я в нем как сквер, я живу после смерти... Но нужна ли кому-то такая жизнь?

Вот почему столько лет его тянуло сюда! Вот почему предпочел он агонию!

Несколько минут после этого Келаф сидел как в забытьи, ни о чем абсолютно не думая. Перестав ощущать даже тело. Если бы под ним подломилась скамейка, он едва ли бы это почувствовал. Встрепенулся он лишь тогда, когда вдруг, непонятно откуда, возникла не мысль, а как будто бы тень только мысли: что он вот сейчас настоящий, живой, еще до того, как все это случилось!

– Сейчас я – это я, – сказал вслух себе Келаф. Поднял руки со скамейки и их рассмотрел: короткие пальцы, заусенец у ногтя. Потрогал лицо, потом плечи, колени. На спине вдруг почувствовал капельку пота, проследил, как бежит она между лопаток...

– И такой я и впрямь ничего не боюсь, – снова вслух проговорил Келаф.

И тут ему захотелось кому-нибудь позвонить. Просто так. Отвести чтобы душу.

Он порывлся в карманах, отыскал свой мобильник... Но мог не искать, батарея безнадежно умерла. В суете сегодняшнего и вчерашнего дней он не вспомнил ее зарядить.

– Ну и черт с ней! – пробормотал Келаф. – Не бывает безвыходных положений, если человеку до зарезу нужно отыскать выход.

В сквере где-то была видеофонная будка. Келаф видел ее в прошлый раз. И даже не одну. Он поднялся со скамейки, прошел по дорожке, обогнув клумбу из анютиных глазок, завернул за беседку и вышел куда и хотел – к видеофонам-автоматам.

Но кому же он станет звонить? Может быть, Президенту? Но, во-первых, Президент не разрешал этого делать. А во-вторых, Келафа просто не соединят с Президентским Дворцом. Тогда, может быть, Бэнту? Кстати, он очень просил. Но оставил не домашний номер, а какого-то автомата. Дескать, с одиннадцати я буду ждать. Келаф еще посмеялся: тоже, мол, шпионские страсти... – но сейчас вдруг дошло, что смеялся он зря.

Однако часы показывали только половину одиннадцатого. То есть еще полчаса.

И тогда Келаф позвонил в газету, в «Вечерний Дорлин». Там как раз сейчас готовится номер. Даже заготовил первую фразу, чтобы сразу пробиться к редактору. Но секретарша, лишь заведя его, сама перевела

разговор. То есть звонка его ждали. Не то, что б хотели. Но знали – позвонит.

– Привет, Марвин, – отбросив все заготовки, заговорил первым Келаф. – Ты, надеюсь, читал мой журнал?

– Читал, – тот сидел будто сфинкс.

– И как?

– А никак. Мне тебя просто жаль.

– Отчего ж это жаль?

– Оттого, что дурак.

– Но ведь это все правда. Я это не выдумал.

– Знаешь что, – Марвин посмотрел куда-то в сторону, – ты мне не звони. Денька два пережди.

– А что же потом?

– А потом будет видно.

Келаф приготовился высказать, что обо всем этом думает, но Марвин ударил «отбой», оставив Келафа перед погасшим экраном.

– Дерьмо! – разозлился Келаф. – Трус и дерьмо! – И теперь больше не раздумывая позвонил в другую газету. Но там его вовсе не выслушали, лишь раскрыли глаза как на выходца с того света, потом экран замигал, будто со связью что-то случилось. – Эй! Вы чего!? – стукнул Келаф ладонью в экран, и то ли ударом его погасил, то ли в видеофоне что-то испортилось?

По соседству была другая будка, и Келаф перебежал туда.

Но все последующие звонки оказались похожими один на другой. Лица на том конце провода каменели. Смотрели так, будто не узнавали Келафа. Паралич оставлял их всего на мгновение, чтобы ударить по кнопке «отбой». В ярости Келаф им что-то выкрикивал. Но едва ли они различали хоть слово.

– Сейчас я – это я! – теряя контроль над собой, кричал Келаф. – Я сказал то, что думаю! Пускай все знают правду!

Гаснущие экраны вызывали бешенство. Пока Келафу не начало казаться, что в происходящем есть что-то абсурдное. Что все это происходит не с ним. Он грезит. Он бредит.

Он хлопнул дверью и вышел из будки.

– Сволочи все! Все предатели! Труссы!

Он вернулся на скамейку, где сидел прежде, и сунул в рот сигарету.

А зачем я звоню? – ни с того ни с сего спросил себя Келаф. – Что хочу им сказать? – и от несуразности вопроса даже поежился. Продолжение абсурда?!..

Но тут же вдруг понял, что нет, не абсурд. Ведь он всегда лгал, все те годы, что издавал свой журнал. То есть был как они. И всегда находились для этого поводы: журнал чтоб продать, чтоб никто не обиделся. А сейчас он впервые решил сказать правду, и нет никого, кто готов ее выслушать. Может быть, потому, что, на самом деле, он вовсе не хочет этого? Он выпустил джинна, который еще большая ложь, чем все, что говорил он до этого. Не в смысле, что Мансат все врет, – про это и так всем известно, – а в

смысле, что правду свою он сказал не ради правды, а чтобы всех обмануть. У него была цель – повалить Руго Мансата. Содержание слова – всего только случай. Заклучайся в нем ложь – он и тогда бы его сказал. И теперь звонит всем, дескать, верьте мне, верьте!..

Но нет! – затряс головою Келаф. – Нет и еще тысячу раз нет! Я сказал, чтобы это сказать. Вот сейчас позвоню Бэнту и скажу: передай Олку Тийворсу, что я – это я! Я сказал слово правды! И катись мой журнал! Все катитесь вы к чертовой матери!

От такой смелости закружилась голова и даже скамейка стала покачиваться. Но чувство абсурда прошло.

Келаф отшвырнул окурок и долго смотрел, как он догорает в траве.

И тут же вдруг вспомнил, как делал журнал, как трудился над ним в дичайшем угаре. Но увидел его под другим углом зрения. В журнале были две настоящие вещи. И сейчас, когда кончится раж, и если не все номера побросают в корзины для мусора, кто-то, может быть, их и заметит. Или даже, пускай, не сейчас. По прошествии года, пяти... Два тех странных эссе, что Келаф вытащил из стола, отогнав паука, что на них там устроился. Где когда-то сказал очень просто и ясно: что слово должно быть свободно, свободно само по себе, не доказывать мысль, а будить, чтоб сказавшись, само стало мыслью. Не возникло как тень, как актер, что сыграет все то, что прикажут, а прожило свою только личную жизнь на глазах у всех тех, кто способен услышать.

И вот это действительно была правда. Не затем, чтобы свалить Руго Мансата. А правда как есть. Как ее понимал Келаф Стор. Когда начинал свой журнал. Еще до причин всех и поводов.

Он откинулся на спинку скамейки и даже положил ногу на ногу. А никому он не станет звонить. А катитесь вы все куда дальше!

И пока так сидел, посмотрел в глубь аллеи и, странное дело, вдруг увидел себя, свою спину, как идет меж деревьями, сворачивает на тропинку, огибает беседку, увитую диким плющом – и попадает во Дворец, где ждет его свора министров, машины, шоферы и толпы охранников. И его ничуть не смутило, что никакого Дворца за беседкою нет, что там только пруд и забор, за которым все это кончается. На полпути до беседки стоит видеофонная будка, и если в ту будку войти, а дверь за собою оставить открытой, то тот, кому Келаф позвонит, увидит все то, что сейчас видит он?..

Несколько минут после этого Келаф сидел, не ощущая себя. Будто дух его вышел из тела.

А что вижу я? – когда дух его все же вернулся, посерьезнел вдруг Келаф. – Деревья, которым не хватает места в экране... Под деревьями пруд, а в пруду – лебедей... И сутулого человека по колени в осоке...

Президент! – вдруг закрыл глаза Келаф. – Олк Тийворс ему звонил отсюда!

Теперь он открыл глаза и стал стрелять взглядом в разные стороны: конечно, беседка, конечно, вьюны!..

Да кто ему сказал, что это был Тийворс? Его просто надули! Обвели

вокруг пальца!..

И значит, все то, что я сделал – всего лишь игра!

Но нет! – затряс головою Келаф. – Не может так быть! Это просто ужасно!

Он тут же вскочил на ноги и заходил по дорожке.

И никто за меня не заступится. Теперь я открыт. Руго – делай, что хочешь! И Слово? – остановился Келаф. – Кто сказал это Слово?!..

Или нет! – все еще стоял на дорожке Келаф и смотрел себе под ноги. – Слово, может, и было ложью. Но я-то – не ложь. Я сказал то, что думал!

Он снова оглядел сквер.

Одно он только сделал неверно: из сквера надо было сразу уйти. Как только он понял, что все здесь – подделка.

И он зашагал быстро к выходу. У него не было никакого конкретного плана. Сейчас он сядет в машину и куда-то поедет. Быть может, домой, а быть может, в кабак... Но, выйдя на улицу, на краю тротуара снова увидел видеофонную будку. И сразу же вспомнил про этого Бэнта... Вот его кто надул! Келаф не зря заподозрил... Но злобы на Бэнта почему-то совсем не почувствовал. И вообще ощутил, что чертовски спокоен.

Одиннадцать, – посмотрел он на часы. – Удивлю-ка его пунктуальностью, – и вошел в видеофонную будку. Набрал номер, что оставил ему Бэнт. Но на экране возник человек, которого Келаф не знал. И Келаф попросил:

– Позовите мне Бэнта.

Но еще до того, как кончил говорить, услышал за спиной шум мотора.

Он посмотрел себе за спину: в нескольких метрах от будки стоял черный «Ларфит». Мотор его работал на все обороты, но машина покамест не двигалась. Трудно сказать, на что рассчитывали седоки «Ларфита». Что Келаф выйдет из будки?.. И он не стал дожидаться появления Бэнта и заговорил в экран, на котором никого не было:

– Сейчас я – это я. Я сказал слово правды...

Но договорить не успел. В будку что-то ударило. Келаф повернул голову: ему прямо в глаза били фары из «Ларфита». Машина дала задний ход, а потом снова врезалась в будку.

Посыпались стекла, но Келаф постарался и на это не обращать внимания.

– Ты сказал слово лжи, – все также пустому экрану проговорил Келаф. – Но ты не учел одну вещь: ложь изреченная становится правдой!

Но в эту минуту «Ларфит» ударил опять, Келаф стукнулся лбом об экран, раздавил себе нос, в голове что-то хрустнуло.

– ...становится правдой, – повторил тихо Келаф.

С четвертого раза «Ларфит» смел все же будку. Стойки, на которых держался потолок, провалились вовнутрь, поддев как на дыбу мертвого Келафа. Будка грохнулась наземь. Вновь брызнули стекла. «Ларфит» взял чуть назад, развернулся и сгинул.

И для Келафа Стора на этом все кончилось.

Но не для Юлуса Бэнта. Для Юлуса Бэнта как раз все началось.

Юлус видел агонию Келафа. Он стоял примерно в трех метрах от экрана, на котором разыгралась трагедия. И не представлял себя в эту минуту шутом. О колпаке с бубенцами он даже не думал. А думал о том: насколько же можно войти в свою роль? – «Ты сказал слово лжи, – там выкрикивал Келаф. – Но ты не учел одну вещь: ложь изреченная становится правдой!» – Хотя чувствовалось, что Келаф непрофессионал. Он переигрывал. Тебя убивают – а ты тут несешь что-то очень высокое. В такие минуты говорят простые и ясные вещи: «За что?», «Я ни в чем не виновен!» – Это было бы намного естественней. Во всяком случае, когда смотришь из зала. – А этот: про правду и ложь. Да и что такое правда? Сегодня она одна, а завтра – другая. Ведь и тогда, в видеофонной будке, когда Юлус звонил Келафу Стору и представлялся Президентом – он ведь тоже не лгал. Окажись на его месте настоящий Президент, он сделал бы в точности то же самое.

Или, может быть, дело в другом, как раз в этой непрофессиональности? Перевоплощение далось Келафу слишком трудно, отобрало все силы? Он вошел в свою роль, но не смог уже выйти. Сколько раз Юлусу приходилось умирать на сцене, но потом он всегда оживал, и, конечно, в ином облики. Так что смерть тут сама по себе – она даже, возможно, награда. Защита от этой несостоятельности. Чтобы не очнуться однажды никем, никого не играя. И до конца жизни своей сознавать, что единственная роль, которую мог ты сыграть, уже сыграна, и другой в твоей жизни не будет.

Юлус не подошел к экрану. Не хотелось попасть в объектив, чтобы на том конце провода возникло его изображение.

А началось все с того, что без пятнадцати одиннадцать он спустился в кабачок рядом с домом. Куда дал телефон Келафу. Сидел там за столиком и пил кофе. И честно сказать, не очень надеялся, что Келаф позвонит. Тем более, что сделает это точно в одиннадцать. К видеофону Юлуса позвал бармен. Но дойти до видеофона Юлус не успел. Как теперь получается, к лучшему.

После случившегося он вернулся за столик и заказал коньяку.

А Слово-то оказалось весомым, – подумал Юлус. – Я запустил механизм, который отныне работает сам. И будет непросто его остановить, даже если удастся сломать какие-то шестеренки.

Журнал Келафа существует. Всего час назад Юлус пролистал его вдоль и поперек. И все это – умри, но нельзя так оставить. В два часа начинается Конкурс, и Руго обязан хоть что-то придумать.

Юлус еще подумал о бофе, что два дня назад упал со стены. Кто-то это ведь тоже подстроил. И тоже, небось, ждет каких-то последствий...

Но выстраивать причинные цепи не в характере Юлуса. Его дело – играть. Попадать точно в тон. А выйдет дуэт там, квартет или соло – на то есть Режиссер. В том, что он существует, Юлус нисколько не сомневался.

Иначе вся жизнь давно превратилась бы в хаос.

Он допил свой коньяк. У стойки выпил еще. И отправился восвояси.

Весь вчерашний день он проездил по городу. Побывал на всех этажах. Это был старый испытанный способ: если неотложного дела нет, если ты вот сейчас никому и ничем не обязан – сесть в машину и ехать, неважно куда, – лучший способ вернуть себя к жизни. Все этажи города отличались один от другого, и Юлусу доставляло удовольствие, поднимаясь на лифте с этажа на этаж, ощущать, что и сам он меняется. На нижних этажах он чувствовал себя полунцим, не спеша двигался по измызганным мостовым, избегая нечастых прохожих, совершенно неприученных соблюдать правила уличного движения. Не менее частые рыдваны, как жуки в навозе ползающие по этим этажам, оживляли в памяти Юлуса фрески из древних соборов с их потрескавшейся штукатуркой и осыпающимися фрагментами. У этих рыдванов не хватало дверей, капотов, подфарников, бамперов. Чтобы не выглядеть белой вороной, Юлус специально проехал через несколько мусорных куч, извозился как свинья в грязной луже, а потом купил банку какао и вылил на крышу своего «Травлера».

Зато тремя этажами выше Юлус отмыл машину. Не до зеркального блеска, эту процедуру он оставил на следующие три этажа, а здесь ему не хотелось высовываться. С этих этажей, на которые сейчас попал Юлус, обычно начинали свое восхождение приехавшие в Дорлин провинциалы. Или те, кто на чем-то свернул себе шею, отступали сюда, чтобы рискнуть потом снова. На этих этажах очень изменчивое население, в основном это молодые люди, либо люди преклонного возраста. Середина меж ними почти что отсутствует. Часть из них вскорости спустится вниз, а другая и вправду отправится выше. И эта вот нестабильность, непрерывное перемешивание создают ощущение временности, которое здесь можно заметить во всем: в одежде людей, то ни к месту нарядных, то базарно-безвкусно расхристанных; в витринах магазинов, безобразно оформленных, всё тяп-ляп, как-нибудь, побыстрее сделать деньги и смотаться отсюда, – но где, тем не менее, порою можно купить вполне сносные вещи. Единственное, чего на этих этажах не найдешь, так это чего-нибудь среднего. Уж если красиво, то значит, с претензией, но если уродство – в своей крайней форме.

На следующем этаже Юлус снова заехал на мойку и начистил машину как будто бы воском. Потому что на этих этажах живут выскочки. Те, кому удалось, кто сумел, кто поднялся сюда, и теперь предстоит тут осесть, закрепиться, а то и, кто знает, двинуться выше. И поэтому здесь самое главное – производить впечатление. Казаться вальяжней, чуть выше, чуть лучше – короче, не тем, что ты есть. Здесь всегда царит оживление, эдакая показная, чрезмерная деловитость, которую не только что невозможно не заметить, а которая сама тебе лезет в глаза. И люди, не знающие Дорлина, часто допускают ошибку, принимая именно эти этажи за деловую часть города, которая, на самом деле, давно обосновалась на Семнадцатом-Восемнадцатом этажах, обитатели которых пускай и не демонстрируют

своей деловитости, но зато, действительно, понимают в деле, и все настоящие сделки заключаются именно там.

По Восемнадцатому этажу можно разъезжать и не на очень чистой машине. Здесь вообще не столь важен твой блеск, внешний вид. Здесь умеют различать деловые качества: вложив в тебя деньги, их можно умножить? – и ежели да, да ходи хоть пешком.

Из всех городских этажей Юлус больше всего любил именно эти. Здесь себя ощущал он предельно легко. Хотя сам не был деловым человеком. Да и театр, в котором играл, располагался тремя этажами ниже. Но сюда приезжал, если нечего делать. Здесь сидел в кабаках, здесь искал себе женщин. Кстати, именно здесь располагалась телестудия, куда время от времени зазывал его Мансат...

Но думать о Студии Юлусу совсем не хотелось, и он поднялся на Двадцатый этаж. Этот этаж чем-то напоминал те, что лежали ниже Семнадцатого. Здесь тоже жили выскочки, но более высокого ранга. Которые попытались выйти из дела: дескать, дело теперь пусть работает само, а мы, попивая чаек, с него будем стричь купоны. Что на практике оказалось недостижимым, но в чем ни никто никогда не признается. Тихой сапой изо дня в день эти люди спускаются в свои конторы, а окружающие делают вид, что этих вылазок не замечают. Здесь вообще считается хорошим тоном видеть лишь то, что тебе показывают, и отворачиваться от всего, что показу не подлежит. Даже если это, неподлежащее, само лезет тебе на глаза. Здесь нельзя выглядеть усталым, расстроенным, демонстрировать, что у тебя неприятности и вообще где-то что-то не ладится. Всегда бодр, улыбчив, в приподнятом настроении – вот естественный вид обитателя Двадцатого этажа, – днем и ночью готов ты проматывать деньги (или хотя бы делать вид, что проматываешь). А совсем чтоб блеснуть – совершай сумасбродства: покупай совершенно ненужные вещи; заказывай «Мад-Сайди» на столик соседу (для чего вовсе не обязательно быть с соседом знакомым); или заполняй свое жилище всевозможными антикварными штучками, которые можно купить во множестве магазинов и лавок, в которых, кроме антиквариата, вам попадутся на глаза миллионы других бесполезных вещей. И все это может сделаться вашим и, конечно, по самым немыслимым ценам. А если, в порядке исключения, вы и увидите что-то такое, что может пригодиться в хозяйстве, то все равно лучше воздержитесь от покупки. Юлус проверял, и в эти магазины давно не ходок. С его доходами в них просто нечего делать.

Но самая интересная часть города расположена выше Двадцать Второго этажа, а точнее на Двадцать Пятом. Здесь живут самые богатые люди. Настолько богатые, что им ни к чему демонстрировать свое благополучие. Отсюда не боятся упасть, и поэтому во всем здесь проступает надежность и обстоятельность. Здесь разъезжают на не очень красивых, но огромных машинах; здесь широкие тротуары, для желающих ходить пешком (чего, практически, никто никогда не делает); здесь на полифроловых деревьях, необхватных как баобабы, зеленые, а не

зеркальные листья; и совсем нет экранов на стенах. И все-таки все это ничто по сравнению с еще одной вещью: над улицами Двадцать Пятого этажа стеклянные потолки и сквозь них можно увидеть небо и солнце. В рекламных проспектах без конца сообщают, что здесь и в домах такие же потолки, а еще есть дома, в которых настоящие окна, за которыми видно, что происходит вне города... Но в этих домах Юлус никогда не бывал и поэтому не берется судить, насколько все это соответствует истине.

В общем, такое вот путешествие совершил вчера Юлус. Оно заняло целый день и всю ночь. Вернулся домой он лишь где-то в начале одиннадцатого, принять чтобы душ и побриться. А к одиннадцати пошел в кабачок выпить кофе, перекусить и, если посчастливится, переговорить с Келафом... И здесь вот случилось все то, что случилось.

Однако, вернувшись домой во второй раз, после неприятности с Келафом, которую, впрочем, Юлус пытался переосмыслить как логичный и, в общем, не худший финал, он обнаружил любопытную вещь: что дверь в его дом не закрыта. Конечно, он мог забыть ее запереть, день выпал не очень стандартный. Тем не менее вошел он весьма настороженно: на пороге не валялись газеты, исчезли штаны и подтяжки из кресла, над раковиной на кухне не виселась горка немытой посуды... – и только потом заметил, что на диване кто-то сидит.

– Мэрла!? – не поверил своим глазам Юлус.

– Извини... Извините, – покраснелась она. – Но я тут немного прибрала.

– Откуда ты? – сел он напротив.

Но Мэрла пожала плечами, словно сама не знала, откуда взялась:

– Вы на съемке спросили: не занята ли я? И вот я пришла... Я ведь, в общем, свободна...

– Вот и отлично! – успокоил ее Юлус. А то голос ее так дрожал, словно она говорила не горлом, а легкими, которым не хватает дыхания. – У меня есть бутылка «Мад-Сайди». И еще, может, что-нибудь съесть?..

– Нет, я сыта.

– Но уж выпить-то, точно, ведь можно?

– Ну, если немного, – согласилась она.

И Юлус побежал к холодильнику, потом к раковине за бокалами, но они оказались в сушильной сетке.

– Вот, – расставил он их на столике между диваном и креслом. – Чуть-чуть. За знакомство, которое наконец состоялось.

– За знакомство, – пригубила Мэрла.

– А ты молодец, – еще не покончив с вином, сказал Юлус. – Молодец, что пришла. А то видишь, как я тут живу?

– А что? Ничего... – огляделась Мэрла. – Не прибрано только немного.

– Немного, – усмехнулся Юлус. – У меня вообще сложные отношения с бытом. Бывают такие минуты, когда я его вовсе не вижу. Потому что сам по себе он для меня не имеет значения.

– А не сам по себе? – насторожилась Мэрла.

– Да как бы тебе объяснить?.. Может, это и не мое уникальное качество. Все мужчины, возможно, такие. Но мы строим свой дом для кого-то. Ей

одной только он предназначен. И если она вдруг в него не вошла – он становится нашей тюрьмой. Без нее он и дик, и бессмыслен.

– А она не вошла? – вовсе без голоса спросила Мэрла.

– Не вошла, – допил вино Юлус.

– И у вас до сих пор нету женщины?

Но Юлус был бы не Юлус, если сразу сказал бы ей «нет», и поэтому он вообще ничего не сказал. Посмотрел в потолок, потом снова наполнил бокалы.

– А что ты со мной все на «вы»? – поменял он вдруг тему. – Мы с тобой вместе год уж работаем.

– Да, – согласилась Мэрла.

– Называй меня Юлус, и все.

– Юлус, – улыбнулась она. И ее и без того круглое лицо еще больше от этого округлилось, а на правой щеке образовалась ямочка. – Вы... Ты такой ведь актер, – уже с этой ямочкой заговорила Мэрла, – когда ты расхаживаешь по павильону со своим бластером... Каждый раз смотрю, и в голове не укладывается, что потом, когда с тебя смывают грим... Что ты и этот убийца – один человек.

– Неужели такой я страшный?

– Ты – нет, – покачала она головой. – Но тот, в павильоне...

– И все-таки как-то решилась?

– Сама удивляюсь, – снова покраснела Мэрла. – Наверное потому, что ты поранил руку.

– Во! – поднял ладонь Юлус. На ней и вправду была засохшая царапина.

Он так долго показывал эту царапину, что Мэрла не удержалась и дотронулась до нее пальцем. И Юлус почувствовал, что самое время схватить ее руку. Но не схватил.

– Этот дом – для тебя, – сказал он.

И ямочка на ее щеке сделалась еще глубже.

Словом, все развивалось в правильном направлении, и трудно сказать, как далеко бы развилось, но Юлусу вдруг помешали.

Включился телевизор. Конечно, не сам. Просто пробило двенадцать. А Юлус нарочно поставил его на это время. Чтобы не прозевать дневные новости, где непременно скажут что-то про Келафа Стора и «Сто Первый этаж». И хотя сейчас телевизор был явно некстати, Юлус тем не менее перебрался на диван: оттуда было удобней смотреть.

Но говорили в новостях про всякую ерунду, в основном о Музыкальном Конкурсе, который начнется через два часа. Перечислили всех претендентов, показали их прибытие во Дворец. У двух или трех взяли интервью, и те с непременным для этой братии косноязычием занудно несли всякий вздор: бормотали о празднике, которым, оказывается, целый год жила вся Флетония, о том, что музыка в жизни флетонца важнее всего, даже денег, и что, дескать, они, то есть эти оболтусы, не обманут надежды сограждан... Одним словом, пройдут какие-нибудь три-четыре часа и случится такое – земля вдруг разверзнется. При этом надо было видеть их идиотские рожи, ужимки, потряхивания патлами разноцветных волос,

поблескивание колец в ноздрях и бровях и еще подмигивания толпам девиц, которые занимали все видимое пространство за их спинами и при каждом их слове разве что не рвали на себе волосы. Юлус бы выключил звук, слушать этих кретинов было противно, но все же дождался конца, где сказали несколько слов о позавчерашнем покушении, точнее о его вчерашней версии. И ни слова о Келафе Сторе.

Мэрла это тоже заметила.

– Ты читала журнал? – спросил ее Юлус.

– «Сто Первый этаж»?

– Да, «Сто Первый этаж».

– Это ужасно, – прижалась она к плечу Юлуса. – Там твои и мои фотографии.

– Но Руго каков там? Хорош, – усмехнулся Юлус. – Особенно, где разговаривает с полицейским, а у того вместо живота кровавая каша. Ведь все это объяснить как-то надо. Интересно, как думает Мансат выкручиваться?

– А зачем ему выкручиваться? – не поняла Мэрла. – Видишь, про журнал ничего не сказали.

– Это пока, – обнял ее Юлус. – Такое нельзя без внимания оставить. Разве Конкурсом перебьет. Из читательской памяти вышибет... Только Конкурсы ведь не Руго Мансат, а Лалси Хурдал устраивает.

– Ну и что? – удивилась Мэрла. – Чем они друг другу мешают?

– А тем и мешают, что оба от рекламы живут. Руго опростоволосился, а Лалси его, значит, выручила. На кого теперь рекламодатель позарится? Кому большой куш он отвалит? Это только так кажется: там тебе ролик запустят, тут тебе клип крутанут – какая, казалось бы, разница? А на самом деле – Шекспир. Тут яд и рапира. Тут кровушкой пахнет.

– Ты это серьезно?

– Серьезнее некуда.

А на экране и в самом деле запустили рекламу: «Бюро Иллюзорных Услуг» – настоящие окна в твой дом... Или почти настоящие. Во всяком случае, глядя в такое окно, в жизни не догадаешься, что перед тобой экран, а за ним так и вовсе стена.

А только открылся ролик, на экране появилась сама Лалси Хурдал.

– В жизни об этом не думала, – сказала Мэрла.

– О чем? – теперь поглаживая ее плечо, отвалился на спинку дивана Юлус.

– Что в рекламе все дело.

– Да не только, конечно, в рекламе. Руго, все-таки, о Президенте фильмы снимает. То есть умри, а должен быть первым. Не на свои же деньги он эти фильмы делает? Реклама, конечно, подспорье, но все же всего не окупит. Она тут, скорее, как тест: сколько баллов набрал, на какой ты ступеньке? И если высокой, глядишь, Президент что подкинет. А тут какая-то Лалси поперек в пекло лезет.

– Но что боф упал со стены – кто же мог вот такое предвидеть?

– Кто-то, значит, предвидел, – тем временем перебрался с ее плеча на

спину Юлус, и Мэрла почувствовала, как молния на ее платье медленно поползла вниз. Первым желанием было отстранить его руку, и она даже двинула локтем, но тут вдруг вспомнила сцену, что застала у Мансата, и на одном дыхании рассказала все Юлусу: про генерала и про тарелку с порезами.

– Вот видишь! – ничуть не удивился Юлус.

– Ты хочешь сказать, что вся эта история с бофом, что он сверзился со стены – не несчастный случай? – и посмотрела на экран, где все еще маячила Лалси. – Кто-то это подстроил... Она? – и указала на Лалси пальцем.

– Возможно, она. А возможно, и нет. Кому эти бофы мешали?

– Действительно, никому, – даже как-то поежилась Мэрла. Впрочем, наверное, из-за пальцев Юлуса, что как раз пролезали под платье. – Но все равно непонятно, – тем не менее продолжила Мэрла. – Сотню раз я об этом думала. Эти бофы, что лазают на стену... Ведь без всяких веревок, страховки. Случись, вправду, что-то с присоском?.. Но ни разу ничего не случилось.

– Готовят их потому что, – объяснил Юлус. – Это как в цирке – ходок по канату. Неужели ты думаешь, что можно любого на канат выпустить? То же и здесь. На дураков все это рассчитано: взбрело человеку – так взял и полез?

– Но где же готовят? И кто?

– А это ты у генерала того спроси, что присоски в пакетах таскает.

И тут уже Мэрла оторвалась от телевизора и уставилась в глаза Юлусу:

– И Президенту про это известно?

– Получше, чем мне и тебе, – выдержал ее взгляд Юлус, одновременно умудрившись расстегнуть замок на ее лифчике, отчего ее груди сразу сделались больше и подались вниз.

Но Мэрла словно не понимала, что с ней происходит.

– Но если все это с ведома Президента, – оттолкнула она чуть Юлуса, – то Руго тогда в чем виновен?

– А кто сказал, что виновен? – вытащил Юлус руку из ее платья. – Он просто лошадка. Чтобы делали ставки. А сдала лошадка – подыщут другую.

– Эту вот Лалси? – снова повернулась к телевизору Мэрла.

– Возможно, и Лалси, – не стал спорить Юлус.

– А я-то вот дура! – погрузилась вдруг Мэрла. – Смотрела ему вечно в рот. Молилась как будто на бога.

– Никакой он не бог. Да и все мы не боги.

– А он просто подонок! – стиснула она кулачки. – Он меня изнасиловал!

И ямочка на ее щеках исчезла, а на глазах показались слезы.

Юлус попробовал ее успокоить:

– Может, выпьем еще? – он взял снова бутылку, но Мэрле подливать было нечего, ее бокал был почти что полон.

– За нас, небогов, – поднял он свой бокал.

Но она его словно не видела:

– Подонок! Подонок!.. – застучала она кулачками по коленям Юлуса.

И тогда Юлус применил силу: схватил ее за плечи и резко встряхнул:

– Не впадай только, знаешь, в истерику!

– Но я этим жила, – посмотрела она на него сквозь слезы.

– Он бездарный актер! Понимаешь? Бездарный! – прямо в глаза сказал ей Юлус. – Настоящий актер подчиняет игрой себе зал. Он умеет заставить, умеет сказать, что нельзя не поверить. Он ваяет из зрителя, что ему взбредит. А Руго играет лишь то, что зал в нем желает увидеть. Ты назвала его богом. Но Бог изрек Слово, и с Него все пошло. А Руго как рыба. Он нем.

– Ты хочешь сказать, я ошиблась?

– Ошибаются те, кто боятся ошибок.

– Ты прав, – немного отодвинулась от него Мэрла. – Я и вправду ведь очень боялась.

– Вот видишь, – взял бокал и одним махом влил в себя его содержимое Юлус. – А теперь ты уже не боишься.

– Не боюсь, – улыбнулась Мэрла. – С тобой не боюсь, – и теперь сама взяла за рукав свое платье и стала вытаскивать из него руку. Сначала одну, а потом другую. – Мне не стыдно тебя. Вот ни капли не стыдно.

Расстегнутый лифчик повис у нее на шее, а вывалившиеся груди как две огромные дыни скатились на живот. Такие аппетитные, мягкие!.. И первым желанием Юлуса было скомкать их пальцами, мять... Или зарыться в них лицом... Но вместо этого он обнял Мэрлу, отыскал ее губы...

А она тискала его голову, ерошила редкие волосы. Он думал, порвет ему уши. Когда ей не хватало дыхания, она отводила чуть рот, но всего на мгновение, глотнуть чтобы воздуха и тут же начать все сначала.

– Я толстая. Некрасивая, – в эти доли секунды бормотала она.

А ему не хватало времени, чтобы сказать ей, что это неправда...

...а потом зазвонил видеофон и на экране возник Руго Мансат.

Юлус даже не успел одеться, заслонился подушкой с дивана.

Выражение лица у Руго было таким, будто как минимум неделю его продержали на голодной диете. Щеки запали, скулы сделались острыми. Он не был побрит, с синевой вокруг глаз.

– Тебе надо приехать! – не здороваясь сказал он. – В нашем распоряжении чуть больше часа.

– Но ты же сказал, чтобы ноги моей больше в студии не было!..

– А сейчас говорю, что тебя здесь все ждут.

– М-да, – клацнул зубами Юлус и почувствовал как сама собой подалась вперед нижняя челюсть, будто у него был неправильный прикус. – Но час? Что мы можем успеть?

Было видно, что Руго с трудом управляет собой. Во всяком случае, членораздельная речь требовала от него каких-то дополнительных усилий. И все же пока он держался:

– Действительно. На съемку времени совсем не осталось. Поэтому мы выйдем в прямой эфир. Ты сыграешь им все на живую...

– Сыграешь, – передразнил его Юлус. – Кого же я стану играть? И кому это, им? Своему, что ль, народу?

– Оставь! – было взорвался Руго, но тут же себя укротил. – Я принимаю твои условия. Ты получишь роль Президента.

– Ты готов подписать? – сразу перестал клацать зубами Юлус.

– Ты не веришь мне на слово?

– Нет.

Физиономию Руго скривила гримаса, и теперь уже не Юлус, а он заскрипел там зубами. Но снова усилием воли он вернул себя в чувство и тихо сказал:

– Я все подпишу.

– И начнем уже завтра! – не сдавался Юлус.

– Хорошо, – кивнул Руго.

– Но что же я должен играть?

– Для тебя это сущий пустяк, – попытался уйти от ответа Руго.

Но Юлус прирос будто к месту:

– Нет, давай прежде все точки расставим!

– Почти то же, что играл ты в последний раз...

– Бофы снова громят телевидение?

– На этот раз редакцию журнала. И выпускают подделку...

– «Сто Первый этаж»? – уточнил Юлус.

– Да, «Сто Первый этаж».

По тому, как кривится рот Мансата, как дыбом встает щетина на небритых щеках, было видно, что Мансату не терпится поскорее выключить связь, чтобы отвести душу, наорать на кого-нибудь, засветить кулаком в тот же самый экран!.. – но прежде он должен убедиться, что Юлус его не обманет, что сейчас соберется, придет...

– Ты подпишешь все прежде. Еще до того, как мы выйдем в эфир, – уточнил Юлус.

– Но ведь я обещал!..

– Ты подпишешь.

– Я жду, – буркнул Руго. И все же не выдержал, экран наконец-то погас.

После этого минут пять в комнате стояла тишина, пока ее не нарушила Мэрла:

– А я?

Она лежала на диване, совершенно голая, и все то время, пока Юлус разговаривал с Руго, даже не попыталась прикрыть себя платьем.

– Что ты? – не понял Юлус.

– Ты выстроил дом для кого? Полчаса назад он был для меня. Или теперь ты собираешься его перестраивать?

– При чем здесь дом?

– А дом – это не только жилище, – как-то очень спокойно, будто говорила не с ним, а с собой, сказала Мэрла. – Дом – это пространство, где живет человек.

– Мое пространство – театр.

Но ей было плевать на театр.

- Как ты мог согласиться? – все также спокойно спросила она.
- Но я всего только актер.
- Подонок ты, а не актер, – села она на диване, но и сидя не подумала одеваться.
- А Слово, что было сначала?
- Слово, может, и было. Но сказал его явно не ты.

- \\\ -

Геннадий Вальдберг
Ришон Ле-Цион
Израиль

--